А. А. Гиппиус

До и после Начального свода: ранняя летописная история Руси как объект текстологической реконструкции

Вводные замечания

Малочисленность оригинальных письменных источников по истории ранней Руси в известной мере компенсируется исключительным качеством главного из них, каким является Повесть временных лет – киевский летописный свод 10-х гг. XII в., выдающийся памятник древней литературы трёх восточнославянских народов.

Составляя основу подавляющего большинства русских летописных сводов XIV–XVI вв., из которых её текст извлекается в полном, сокращённом или контаминированном с другими источниками виде, ПВЛ, при взгляде на неё в противоположной перспективе, предстаёт не просто как памятник сложного состава, синтезировавший в себе материал множества письменных и устных источников, но как результат летописного процесса XI – начала XII в., который принято называть начальным летописанием. Совокупность летописных текстов, созданных в этот период и отложившихся в ПВЛ, мы называем Начальной летописью[1].

В текстологическом изучении начального летописания, переживающем сейчас новый подъём, выделяются три тесно связанных направления.

Задачей первого является установление критического текста ПВЛ, то есть реконструкция архетипа всех его сохранившихся списков. Поставленная ещё А.-Л. Шлёцером на заре критического изучения русских летописей, эта задача, с разных методологических позиций, решалась Ф. Миклошичем (Miklosich, 1877), А. А. Шахматовым (1916), С. А. Бугославским (1941; 2006). Во второй половине XX в. интерес к ней угас, но был возрождён благодаря появлению трудов Л. Мюллера (Müller, 2001) и Д. Островского (Ostrowski, 2003), вызвавших оживлённую дискуссию по вопросам критики текста ПВЛ (Гиппиус, 2002; 2008; Назаренко, 2002; Вилкул, 2004, 2006; Кривко, 2005; Müller, 2006; Ostrowski, 2007).

Второе направление имеет своей целью определение круга нелетописных письменных источников ПВЛ. Сумма сведений о них, которой располагала наука начала XX в., была подведена А. А. Шахматовым (1940). С тех пор изучение византийских хронографических источников ПВЛ значительно продвинулось благодаря работам О. В. Творогова (1974), С. Франклина (Franklin, 1982), а в последнее время – Т. Л. Вилкул (2007 а, б; 2009 и др.), Г. Е. Водолазкина (2008), Т. В. Анисимовой (2009); много сделано в изучении источников «Речи философа» (Trunte, 1993; Милютенко, 2004; Пересветов-Мурат, 2008 и др.); особым поднаправлением, возрождённым И. Н. Данилевским (2004), стало изучение библейских прототипов и моделей повествования Начальной летописи.

Задача третьего направления состоит в реконструкции истории сложения ПВЛ. Именно этот аспект изучения начального летописания, вызывающий наибольшее количество споров, является предметом настоящего очерка.

[1] Аналог понимаемой таким образом Начальной летописи составляет Англосаксонская хроника, представляющая собой не один памятник, но группу летописей на древнеанглийском языке, созданных с конца IX в. по середину XII в. Сопоставлению древнерусского летописания с древнеанглийским посвящено исследование Т. В. Гимона (2012).

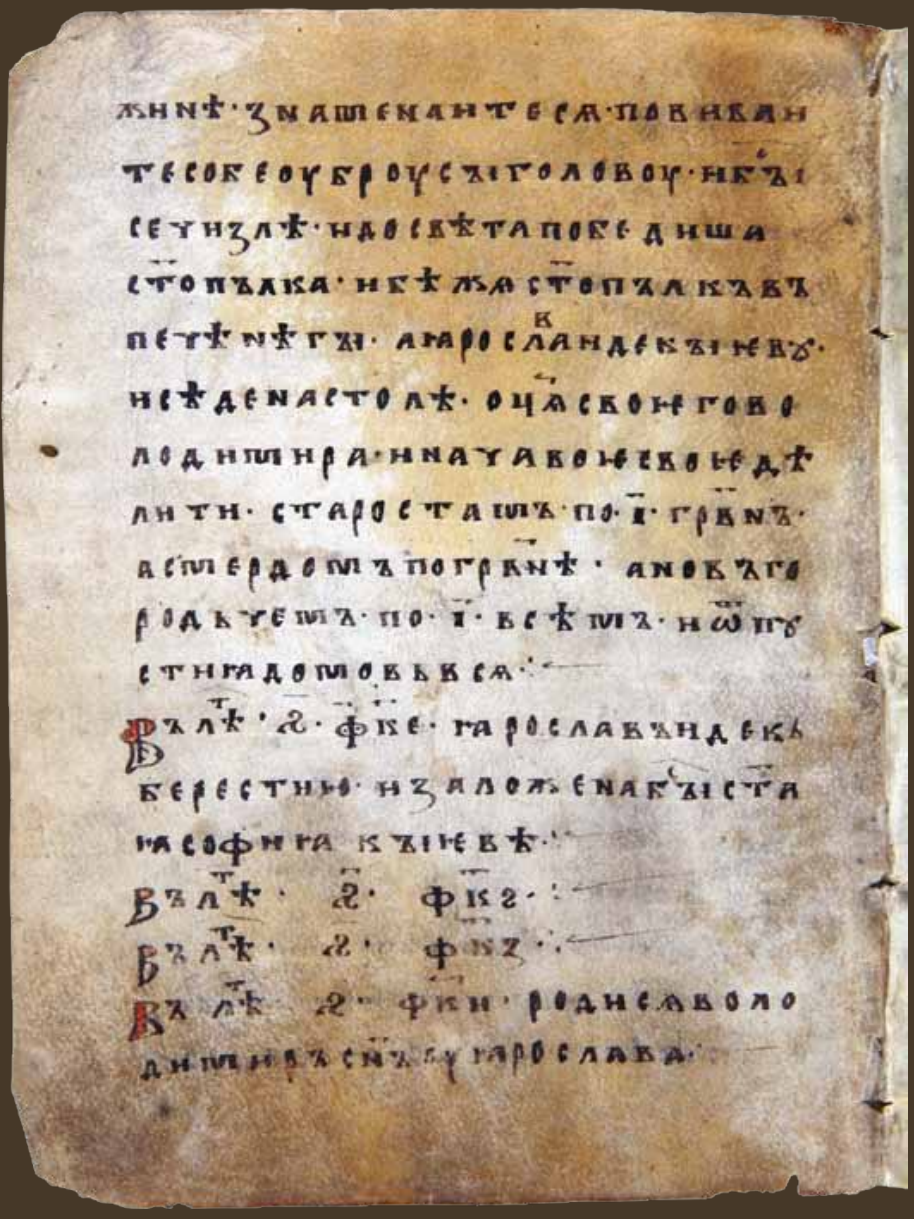

Рис. 2. Синодальный список Новгородской 1-й летописи. Л. 1 об. Статьи 1016–1020 гг. Государственный исторический музей, Москва

Сразу оговорим, сужая ракурс обзора, что в пределах данной проблематики нами будет рассмотрено лишь одно, магистральное, направление исследований, заданное в начале XX в. работами А. А. Шахматова. Сущность этого направления, которое может быть названо «стратификационным», состоит во взгляде на ПВЛ как на результат прошедшего несколько стадий редактирования и распространения некоего исходного текста, в котором сам Шахматов видел Древнейший Киевский свод 30-х гг. XI в. При таком подходе текст ПВЛ рассматривается как обладающий не только определённым составом и структурой, но и собственной стратиграфией. Её установление предполагает соотнесение набора отрезков, на которые членится текст, с последовательностью этапов, которые он прошёл в своём формировании. Главным положением, объединяющим сторонников стратификационного подхода, является тезис Шахматова об отражении в Новгородской первой летописи младшего извода (Н1 мл.) Киевского Начального свода 1090-х гг. – непосредственного предшественника созданной в 10-е гг. XII в. ПВЛ.

И шахматовская концепция истории начального летописания, и лежащая в её основе гипотеза Начального свода далеко не являются сегодня предметом научного консенсуса. Более того, в дискуссиях последних лет особенно громко звучат голоса исследователей, призывающих вообще отбросить главные гипотезы А. А. Шахматова как умозрительные построения, сковывающие объективное изучение истории текста ПВЛ (см.: Вилкул, 2003; Ostrowski, 2007; Толочко А. П., 2008). Полемика с этой позицией не входит в наши задачи. Собираясь посвятить ей специальную работу, мы хотели бы здесь сосредоточиться на «внутренней» дискуссии, ведущейся среди исследователей, разделяющих указанные общие положения. Само собой разумеется, что, поступая таким образом, мы рассматриваем эти положения не как аксиомы, а как уже в достаточной степени аргументированные гипотезы, выдержавшие проверку критикой и способные противостоять её новой волне. Подчеркнём, что речь идёт не о схеме Шахматова в целом и даже не об отдельных частях этой схемы, но об общей *модели* истории начального летописания, представляющей её как систему концентрических оболочек-сводов (своего рода матрёшку), с одной стороны, и идее Начального свода, отложившегося в Н1, – с другой.

Дискуссия, обзор которой мы хотели бы предложить читателю, – как бы ни оценивать её результаты, — свидетельствует о качественном изменении ситуации с изучением ПВЛ, произошедшем за последние полтора десятилетия. По верной формулировке С. М. Михеева (2011, с. 10), «к концу XX века в историографии выработалось устойчивое недоверие к тезису о возможности верифицируемой реконструкции истории начального летописания». Эти настроения лучше других выразил С. Я. Сендерович, писавший: «Признаки кризиса заключаются не в том, что проблематика ПВЛ так и не вышла из области гипотетических построений — так обстояло дело с самого начала, — но в том, что ни одна новая гипотеза не оказалась лучше прежней. Эмпирический материал настолько сложен, противоречив и при этом кардинально недостаточен, что каждый исследователь создаёт свою собственную фрагментацию текстов на основе выбранных им ограниченных критериев или выбирает некоторый набор аргументов в массе возможных; споры последних лет всё чаще движутся по кругу» (Сендерович, 2000, с. 100). Эта во многом справедливая оценка нуждается, однако, в уточнении. Дело было, как представляется, не в исчерпанности парадигмы, а в разреженности научной среды, отсутствии полноценной дискуссии, в ходе которой могла бы происходить критика и апробация новых гипотез, перебор и отбраковка комбинаций — всё то, что обеспечивает развитие научного направления. Критика концепции Шахматова имела место и принесла свои плоды, позволив, в частности, испытать на прочность гипотезу Начального свода (см. особенно: Творогов, 1976). Однако попытки модифицировать эту концепцию, предпринимавшиеся Д. С. Лихачёвым, М. Н. Тихомировым, Б. А. Рыбаковым, А. Н. Насоновым, Л. В. Черепниным, М. Х. Алешковским, остались на уровне индивидуальных построений, не получив никакого продолжения. Нам не известно ни одной конструктивной поправки к схеме Шахматова, которая бы к середине 1990-х гг. получила сколько-нибудь заметную поддержку в научном сообществе и объединяла хотя бы двух исследователей.

Сегодняшняя ситуация кардинально отличается от только что описанной. К ней мы теперь и обратимся, предварительно очертив круг основных источников реконструкции истории начального летописания и напомнив схему этой истории по А. А. Шахматову.

Исходные данные

Основными источниками, на которые опирается текстология ПВЛ, являются следующие летописные памятники.

1. Шесть полных списков Повести временных лет: Лаврентьевский (Лавр., Л), Троицкий[2] (Т), Радзивиловский (Р), Московско-Академический (А), Ипатьевский (Ипат., И), Хлебниковский (Х). Эти списки подразделяются на имеющие общие протографы группы ЛТРА и ИХ, из которых первая, в свою очередь, делится на ЛТ и РА. Имеет смысл поэтому говорить о трёх версиях полного текста ПВЛ, определяя их по основным спискам как лаврентьевскую (ЛТ), радзивиловскую (РА) и ипатьевскую (ИХ).

[2] Рукопись сгорела в Московском пожаре 1812 г., но текст её частично реконструируется (Присёлков, 1950).

По характеру продолжения, которое текст ПВЛ имеет в группе ЛТРА, протограф этой группы определяется как владимирский летописный свод второй половины XII в.; протографом ЛТ послужило прямое продолжение этого свода, а протографом РА – отпочковавшийся от него владимирский свод начала XIII в. (к последнему независимо восходит также Летописец Переяславля-Суздальского)[3]. В списках ИХ текст ПВЛ продолжен Киевским сводом 1198 г.[4] и Галицко-Волынской летописью. Таким образом, лаврентьевская и радзивиловская версии ПВЛ представляют владимиро-суздальскую ветвь её рукописной традиции, а ипатьевская версия – южнорусскую, киевскую ветвь.

Главное отличие владимиро-суздальского варианта ПВЛ от её киевского варианта заключается в следующем. В списках ЛРА текст ПВЛ обрывается в статье 1110 г., за которой следует запись игумена киевского Выдубицкого монастыря Сильвестра с датой 6624 (1116) г. В списках ИХ запись Сильвестра отсутствует, а текст ПВЛ доходит до 1117 г.

2. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (Н1, НПЛ). Старший извод представлен единственным Синодальным списком (Син.), древнейшая часть которого датируется серединой XIII в. Первые 16 тетрадей рукописи утрачены, текст начинается посредине статьи 1016 г., с описания Любечской битвы, отличного от читаемого в ПВЛ (рис. 2). Начиная со следующей статьи характер текста резко меняется: с 1017 по 1115 г. его образуют краткие выдержки из киевского летописного источника в сочетании со столь же краткими новгородскими известиями, число которых возрастает ближе к концу периода; эту компиляцию продолжает с 1116 г. погодная новгородская летопись.

Младший извод Н1 (основные списки – Комиссионный и Академический, 40-х гг. XV в.) имеет в своём начале текст, отличный от «классического» вида ПВЛ. Вместо этногеографического введения ПВЛ в нём читается Предисловие, озаглавленное «Временникъ, еже есть нарицается лѣтописание русских князь и земля Руссия...». За Предисловием следует статья 854 г., с заголовком «Начало земли Русскои», объединяющая под этой датой рассказы об основании Киева, походе руси на Царьград в царствование Михаила III, хазарской дани, Аскольде и Дире, призвании варяжских князей и завоевании Киева Игорем и Олегом. В дальнейшем изложении Н1 мл. и ПВЛ сильно расходятся до 6453 (945) г., после которого различия между ними приобретают более частный характер, сводясь к отсутствию в Н1 мл. отдельных текстов, читаемых в ПВЛ (договоров с греками вместе с их нарративным обрамлением (945, 970), рассказов о четвёртой мести Ольги (946), поединке юноши-кожемяки (992), осаде Белгорода (997); в ПВЛ, в свою очередь, отсутствует рассказ о крещении Новгорода (в Н1 мл. под 989 г.). Статья 1016 г., как и в Син., является рубежной; в её окончании, по сравнению с Син., имеется несколько очевидных вставок: детали описания битвы, сообщение о гибели Святополка «межи Чахы и Ляхы» и упоминание о пожаловании Ярославом Новгороду «правды и устава», за которым следует текст Русской правды краткой редакции. Далее на участке 1017–1043 гг. Н1 мл. сходствует с Син., опуская несколько известий в конце этого интервала, а с 1044 по 1074 г. содержит другой текст. Последний представляет собой соединение текста ПВЛ за 1045–1074 гг., обрывающегося в конце рассказа о смерти Феодосия Печерского, с новгородскими известиями за 1044–1060 гг., отличными от читаемых в Син.; текст ПВЛ воспроизведён на этом участке полностью, за исключением рассказа о начале Печерского монастыря под 1051 г. Начиная с 1075 г. Н1 мл. совпадет с Син.

Расхождения двух изводов Н1 в настоящее время объясняются их независимым восхождением к общему протографу – «официальному экземпляру» новгородской владычной (архиепископской) летописи, в основе которого лежал княжеский свод, созданный около 1115 г.[5]; Син. отражает более раннее, а списки Н1 мл.– более позднее состояние этого протографа (Алешковский, 1971, с. 113–114; Гиппиус, 1997; Гимон и Гиппиус, 1999; Гимон, 2006).

3. Летописи так называемой Новгородско-Софийской группы: Новгородская четвёртая (Н4), Софийская первая (С1) и состоящая из двух подборок Новгородская Карамзинская летопись (НК) (рис. 3). Ведущаяся с 1970-х гг. дискуссия о соотношении этих летописей пока не завершена, но баланс аргументов склоняется к признанию того, что протограф группы – общерусский по своему характеру «Новгородско-Софийский» свод был изначально близок по составу к первой подборке НК (Прохоров, 1977; Бобров, 2001, с. 93–165; Милютенко, 2008; Гимон, 2011). Оригинал НК1, сыгравший выдающуюся роль в истории русского летописания, соединил тексты доведённой до 1185 г. центрально-русской летописи, близкой к Лавр., и доведённой до 1411 г. новгородской летописи, близкой к Н1 мл. За вычетом этих главных составляющих и отдельных вставок из нелетописных источников в тексте НК1 за XI в. остаётся ещё ряд известий, преимущественно новгородской тематики, которые отчасти находят соответствия в летописных списках новгородских князей и архиепископов, от-

[3] Ср. трактовку соотношения летописных сводов Северо-Восточной Руси в работах: Присёлков, 1996; Прохоров, 1994; Милютенко, 1996; Михеев, 2011.

[4] Предложенная А. П. Толочко (2006) передатировка свода временем после 1212 г. не кажется убедительной, см. Гиппиус, 2009 а, с. 73–74.

[5] Т. В. Гимон (2009) датирует создание протографа Н1 несколько более ранним временем, относя его к 90-м гг. XI в.

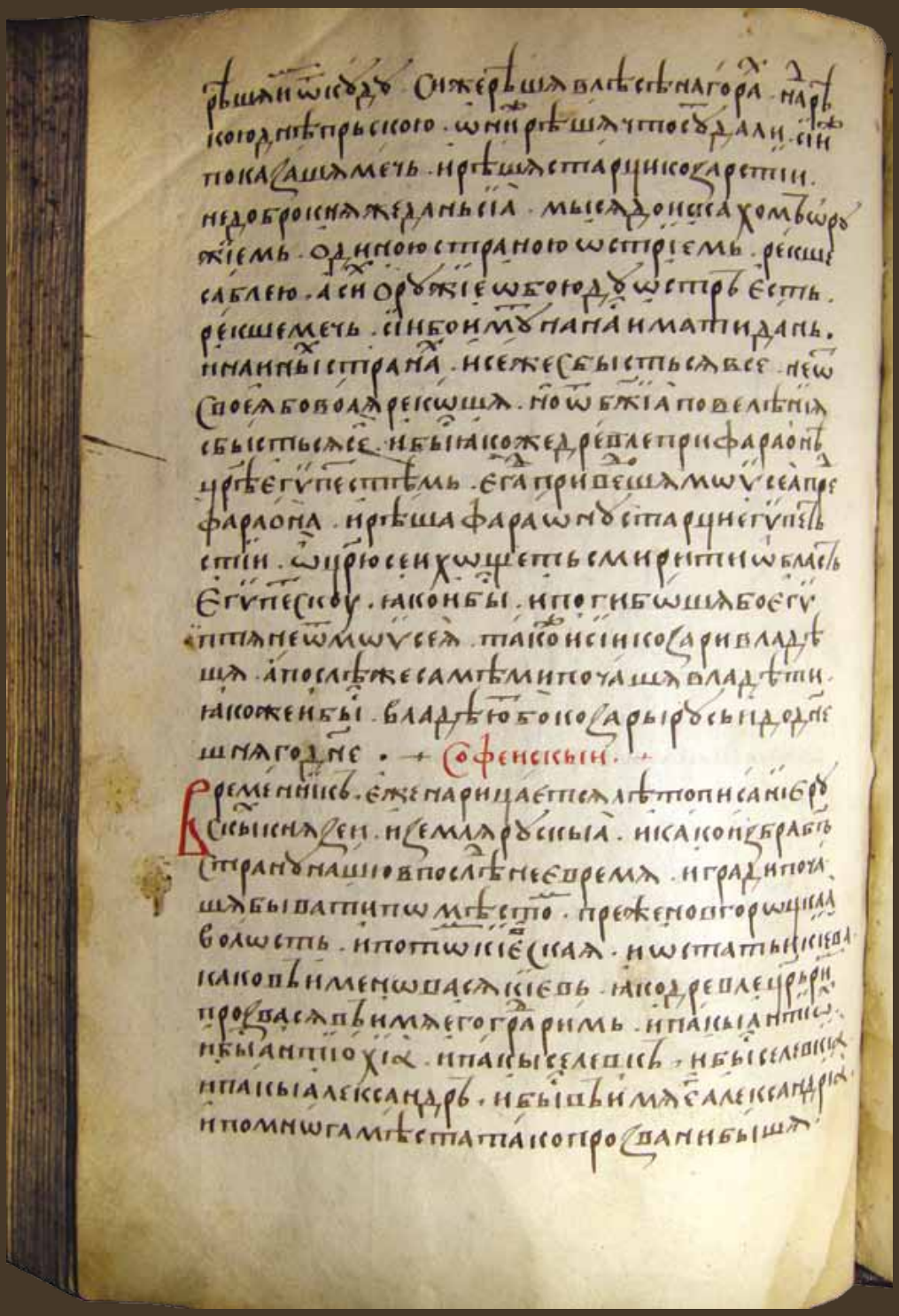

Рис. 3. Новгородская Карамзинская летопись. Л. 186 об. Начало Предисловия к «Временнику». Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург

части же являются уникальными известиями Новгородско-Софийской группы. Происхождение этих «неизвестно-откуда-взятых материалов» (Прохоров, 1977) остаётся невыясненным.

Схема А. А. Шахматова

Схема развития начального летописания, по А. А. Шахматову, складывается из следующих этапов[6]:

1) Древнейший Киевский свод 1039 г.;

2) Новгородский свод 1050 г., основанный на (1), с продолжениями до 1079 г.;

3) Первый Печерский свод 1073 г. (свод Никона), основанный на (1);

4) Начальный свод 1093–95 гг., основанный на (1) и (2);

5) Первая редакция ПВЛ 1111 г., основанная на (4) (Нестор);

6) Вторая редакция ПВЛ 1116 г. (Сильвестр);

7) Третья редакция ПВЛ 1118 г.

Три из этих семи этапов – (1) Древнейший Киевский свод, (3) Первый Печерский свод и (5) Первая редакции ПВЛ – не имеют в схеме Шахматова собственных выходов в позднейшее летописание, являясь лишь источниками более поздних версий Начальной летописи. Отражение остальных четырёх этапов в летописях XIV–XV вв. опосредовано рядом промежуточных сводов, из которых важно отметить следующие:

8) Новгородский владычный летописный свод 1167 г., соединивший материал Новгородского свода XI в. (2) с третьей редакцией ПВЛ;

9) протограф Синодального списка, основанный на своде 1167 г. (8) и сильно его сокративший;

10) ряд летописных сводов XII–XIV вв., опосредующих отношения между второй и третьей редакциями ПВЛ – с одной стороны, и ее лаврентьевской, радзивиловской и ипатьевской версиями – с другой.

11) «Софийский временник», созданный около 1420 г. в Новгороде на основе Начального свода (4) и протографа Синодального списка (9) или его самого;

12) Общерусский свод 1423 г., соединивший материал свода 1167 г. (8) с текстом ПВЛ «московско-суздальского извода», то есть её лаврентьевской версии;

13) свод 1448 г. («Новгородско-Софийский»), протограф С1 и Н4, основанный на своде 1423 г. (12) и Софийском временнике (11).

С учётом этих промежуточных звеньев картина отражения этапов начального летописания в сохранившихся летописях XIV–XV вв. выглядит, по Шахматову, следующей:

Новгородский свод XI в., при посредстве свода 1167 г., отразился: а) в Син. (через его протограф); б) в Н1 мл. (через протограф Син. и Софийский временник); в) в Новгородско-Софийском своде (двумя путями: через Софийский временник и через свод 1423 г.);

Начальный свод, при посредстве Софийского временника, отразился: а) в Н1 мл. и б) в Новгородско-Софийском своде;

Вторая редакция ПВЛ отразилась в её лаврентьевской и радзивиловской версиях, оказав влияние на ипатьевскую (рис. 4; 5).

Третья редакция ПВЛ отразилась в её ипатьевской версии, оказав влияние на лаврентьевскую и радзивиловскую версии.

Современные модификации схемы А. А. Шахматова

Для удобства обзора современных продолжений построения Шахматова его проблематику можно условно разбить на три группы вопросов: 1) структура рукописной традиции ПВЛ и проблема её редакций; 2) проблема Начального свода; 3) проблема сводов, предшествовавших Начальному.

Структура рукописной традиции ПВЛ и проблема её редакций

Характерной чертой видения Шахматовым устройства рукописной традиции ПВЛ было допущение множественных взаимодействий между ветвями этой традиции в летописных сводах XII–XV вв. Следствием такого взгляда явилось представление о контаминированном характере текста ПВЛ во всех её полных списках. По Шахматову, писцы этих списков или их непосредственных оригиналов работали с несколькими оригиналами, сличая их и отбирая чтения по своему усмотрению.

Реакцией на такое, безусловно, преувеличенное представление о роли контаминации в рукописной традиции ПВЛ, стала позиция исследователей, вообще исключающих данное явление из схемы соотношения списков. По этому пути пошёл в своё время С. А. Бугославский, чья реконструкция архетипа ПВЛ, в своё время оставшаяся неизданной, была недавно найдена и опубликована Ю. А. Артамоновым (Бугославский, 2006), а недавно – Л. Мюллер (Müller, 2001) в немецком переводе-реконструкции ПВЛ. В изображении обоих ученых группы Л(Т)РА и ИХ выглядят как абсолютно независимые друг от друга, при этом С. А. Бугославский относил к ипатьевской ветви также «новгородский извод» ПВЛ, представленный в Н1 мл., тогда как в реконструкции Л. Мюллера текст Н1 мл. вообще не учитывался.

[6] В том виде, в каком эта схема представлена ниже, она никогда не публиковалась самим А. А. Шахматовым. С 1-го по 5-й пункт она основывается на «Разысканиях...» 1908 г., а с 5-го по 7-й – на книге Повесть временных лет 1916 г.

В рецензии на книгу Л. Мюллера (Гиппиус, 2002) было показано, что полное исключение вторичных связей между разными версиями ПВЛ есть такая же крайность, как и представление о контаминированности всех её списков. Контаминация в действительности имела место, но затронула лишь одну версию ПВЛ – радзивиловскую. Составитель протографа РА (владимирского свода начала XIII в.) располагал двумя источниками – типа ЛТ и типа ИХ – и, переписывая текст ПВЛ, периодически переключался с одного на другой. Там, где сводчик списывал с оригинала ипатьевского типа, Лавр. оказывается единственным представителем владимиро-суздальской ветви ПВЛ, и его индивидуальные (в рамках пятёрки полных списков) чтения имеют тот же текстологический вес, что и общие чтения РА и ИХ[7].

Что же касается «новгородского извода», то свидетельством принадлежности его к ипатьевской ветви ПВЛ могло бы быть лишь наличие в Н1 мл. заведомо вторичных чтений, свойственных этой группе; между тем, как было указано А. Тимберлейком (Timberlake, 2001), таких чтений С. А. Бугославский не привёл. Сама же по себе большая близость Н1 мл. к Ипат., чем к Лавр. не может, вопреки (Ostrowski, 2003), рассматриваться как показатель их генеалогической общности. Аналогичным образом, отсутствуют и вторичные чтения, которые бы объединяли Н1 мл. с лаврентьевской группой. При этом, что особенно важно, Н1 мл. содержит ряд первоначальных чтений, одинаково искажённых в ИХ и ЛРА (Шахматов, 1940, с. 154; Гиппиус, 2002, с. 71–72; 2007 а, с. 26; 2008 б, с. 49–54; с. 28; Михеев, 2011, с. 32–34). Это означает, что она не просто представляет отдельную ветвь традиции, но восходит к протографу, более древнему, чем общий протограф Лавр. и Ипат.

Сходные с нашими претензии к реконструкции Л. Мюллера высказал в своей рецензии и А. В. Назаренко (2002). Л. Мюллер отозвался на нашу критику большой статьёй, в которой согласился с её основными положениями и соответствующим образом модифицировал свою стемму, отразив в ней контаминацию в РА и особое положение Н1 мл.[8]

Изложенное понимание структуры рукописной традиции ПВЛ существенно для оценки гипотезы А. А. Шахматова о её «третьей редакции». В работах Л. Мюллера (Müller, 1967), О. В. Творогова (1997) и А. Тимберлейка (Timberlake, 2001) эта гипотеза была подвергнута критике и отвергнута как излишняя. Главным аргументом против неё было присутствие «ладожского» варианта рассказа о Рюрике (который Шахматов возводил к «третьей редакции») не только в ипатьевской, но и в радзивиловской версии ПВЛ. Однако контаминированный характер последней лишает данный аргумент силы: ничто не мешает, вслед за Шахматовым, считать первоначальным «новгородский» вариант истории Рюрика (см. подробно: Гиппиус, 2007 в). И хотя часть аргументов Шахматова, обосновывавших тезис о редакции 1118 г., действительно устарела, в своей основе эта гипотеза остаётся действенным научным построением. С рядом поправок она принята в работе (Гиппиус, 2007 а, 2008 а). Существование редакции 1117 г. (наша датировка на год отличается от шахматовской) признал в своей последней прижизненно опубликованной работе и Л. Мюллер (Müller, 2008).

Суть наших поправок к гипотезе «третьей редакции» сводится к следующему. Вслед за В. М. Истриным и Л. Мюллером мы считаем, что рукопись Сильвестра 1116 г. не заканчивалась посредине статьи 6618 (1110) г., но продолжалась до 6623 (1115) г. Наличие части добавлений «постсильвестровской» редакции (датируемой нами 1117 г.) в Лаврентьевской летописи мы объясняем как результат частичного обновления кодекса 1116 г., осуществлённого самим Сильвестром на основе редакции 1117 г. вскоре после её появления. Данное объяснение принято и С. М. Михеевым (2011).

Предметом дискуссий остаётся вопрос об отношении Сильвестра к тексту ПВЛ. Позиция Шахматова, видевшего в Сильвестре составителя второй редакции ПВЛ, глубоко переработавшей её несохранившуюся первую редакцию, в настоящее время не находит поддержки. Как было показано В. Н. Русиновым (1997), представление об отражении первой редакции ПВЛ в Киево-Печерском патерике не имеет под собой реальных оснований. Создание же

[7] Наше понимание контаминации в РА было развито С. М. Михеевым (2011, с. 37–41). Своеобразную эволюцию претерпели взгляды на данную проблему Т. Вилкул. Приняв поначалу наш тезис о контаминации РА~ИХ и сделав его главным пунктом своей критики реконструкции Д. Островского (Вилкул, 2004), исследовательница через два года писала о «гипотезе контаминации в РАИХ» так, как если бы она никогда ею не поддерживалась (Вилкул, 2006). Приведённые в последней работе факты, будто бы противоречащие данной гипотезе, в действительности отношения к ней не имеют.

[8] После выхода работы Л. Мюллера Д. Островский, чья стемма также была объектом нашей критики, попытался отстоять свою точку зрения, но его аргументация представляется неубедительной. Согласно Д. Островскому (Ostrovski, 2007), контаминированной является не радзивиловская, но лаврентьевская версия ПВЛ, испытавшая влияние со стороны Н1 (последнюю Островский, следуя в этом за С. А. Бугославским, объединяет с ипатьевской версией). Не разбирая сейчас конкретных аргументов Д. Островского, укажем лишь на одно обстоятельство, делающее его стемму неприемлемо усложнённой. Наличие в Лавр. правильных чтений, одинаково искажённых в РА и ИХ и при этом подтверждаемых сопоставлением с использованными источниками (Хроникой Георгия Амартола, Златоструем, Откровением Мефодия Патарского), Д. Островский предлагает объяснять вторичным привлечением этих источников писцом Лавр. для исправления ошибок, сделанных ещё в архетипе ПВЛ. Наша стемма подобных допущений не требует, объясняя соотношение чтений намного более экономным образом.

Рис. 4. Лаврентьевская летопись. Л. 7. Статьи 857–862 гг. Рассказ о призвании варягов. Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург

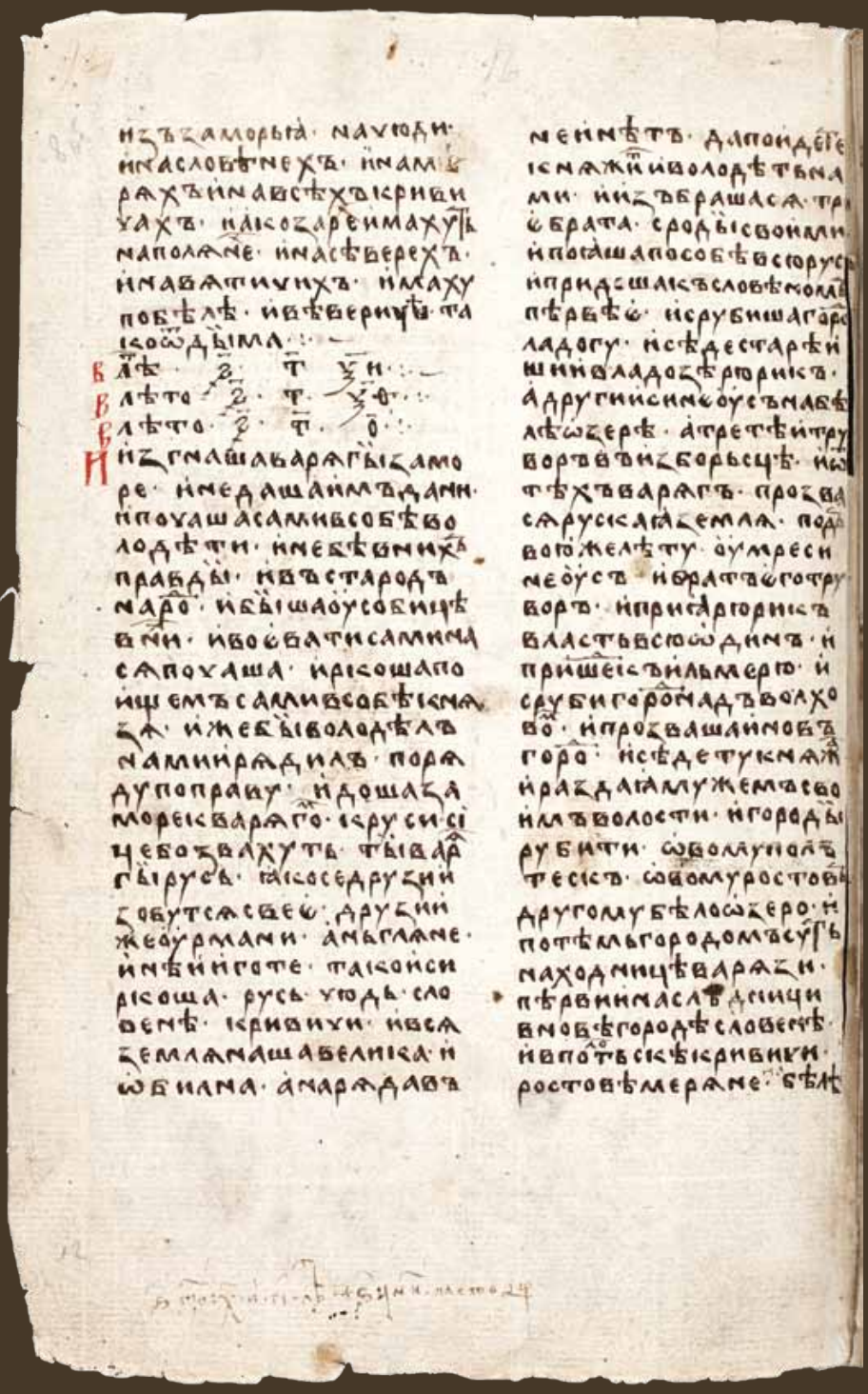

Рис. 5. Ипатьевская летопись. Л. 8 об. Статьи 857–862 гг. Рассказ о призвании варягов. Библиотека Российской академии наук, Санкт-Петербург

основной редакции памятника нужно датировать временем между смертью Святополка Изяславича в 1113 г. (до которой доведён расчёт лет в статье 852 г.) и моментом работы Сильвестра в 1116 г. Это означает, что рукопись Сильвестра могла быть, теоретически, как оригиналом ПВЛ, так и её списком. Первой точки зрения в настоящее время придерживаются А. П. Толочко (2008) и С. М. Михеев (2011), второй – А. Тимберлейк (Timberlake, 2001), А. А. Гиппиус (2007 а), П. П. Толочко (2008 б), К. Цукерман (2009). Для стратификации древнейшей летописной истории Руси данный вопрос принципиального значения не имеет.

Начальный свод в его отношении к Н1 и к ПВЛ

Стержнем концепции А. А. Шахматова всегда оставался и остаётся в её новейших модификациях тезис об отражении в Н1 мл. Начального свода – предшественника ПВЛ. Принятие этого тезиса оставляет значительный простор для расхождений в оценке объёма и содержания Начального свода, которые сильно варьируют у Шахматова и его последователей в зависимости от ответов, даваемых на два вопроса: 1) На каких участках Н1 передаёт текст Начального свода? 2) Насколько точно она передаёт его текст?

Отвечая на первый вопрос, Шахматов возводил к Начальному своду текст Н1 мл. с начала летописи (включая Предисловие) по 1016 г. и с 1052 г. по 1074 г., объясняя перерыв в воспроизведении источника и его внезапное прекращение в статье 1074 г. дефектностью рукописи, использованной составителем «Софийского временника». Для восполнения этих лакун, считал Шахматов, составитель «Временника» обратился к старшему изводу – Синодальному списку или его протографу. Сам же старший извод учёный считал основанным на третьей редакции ПВЛ, привлечённой при составлении владычного свода 1167 г.

Такая схема отражения Начального свода в Н1 обладала двумя существенными недостатками. Во-первых, она предполагала, что более древний и краткий Начальный свод в какой-то момент вытеснил в Новгороде основанную на нём и более пространную ПВЛ. Попытка Д. С. Лихачёва (1986) подвести под эту замену идеологическую базу, объяснив её «антикняжеским» характером Начального свода и увязав с новгородским переворотом 1136 г., лишь обнажила этот очевидный парадокс. Во-вторых, что более важно, схема Шахматова оставляла без объяснения тот факт, что статья 1016 г. является рубежной не только в Н1 мл., но и в Синодальном списке. Приходилось признать, что попавшая в Новгород рукопись Начального свода случайно прерывалась там же, где старший извод Н1 переходил от полного воспроизведения своего киевского источника к его выборочному использованию.

Оба затруднения устраняет фундаментальная поправка к шахматовской схеме, сделанная М. Х. Алешковским. Эта поправка базируется на отличном от шахматовского представлении о характере самого процесса начального летописания. А. А. Шахматов, видевший главное содержание этого процесса в периодическом обновлении летописных сводов и считавший, что Начальный свод заканчивался статьей 1093 г., полагал, что события последующих лет впервые описал Нестор в созданной в начале 1110-х гг. ПВЛ. Из такого понимания дела с неизбежностью вытекала оценка киевского источника старшего извода Н1 как ПВЛ. Эта оценка не учитывала возможности чисто анналистического продолжения Начального свода, не сопровождавшегося переработкой его основного текста, – её-то и использовал в своей концепции М. Х. Алешковский. Исследователь обратил внимание на то, что с 1091 г. в ПВЛ регулярно встречаются датировки событий с указанием часа, свидетельствующие о появлении в это время в Киево-Печерском монастыре регулярно пополняемой погодной летописи. Начало этой летописи, по мысли Алешковского, было положено составлением около 1090 г. летописного свода. Согласно Алешковскому, именно этот свод, вместе с его продолжением, был использован новгородским сводом Мстислава 1115 г.: по 1016 г. – полностью, далее – в виде краткой выборки. Таким образом, основанным на Начальном своде (в терминологии Алешковского – «авторской редакции» ПВЛ) является в этой схеме уже не Н1 мл. или «Софийский временник» начала XV в., а общий протограф обоих изводов НПЛ, возникший в начале XII в.; особенности же текста младшего извода за XI в., отличающие его от Син., относятся за счёт дальнейшей обработки этого протографа, при которой, как считал Алешковский, был использован уже текст ПВЛ, а не Начального свода. Наличие рубежа 1016 г. в обоих изводах Н1 получает таким образом непротиворечивое объяснение: младший извод унаследовал этот рубеж от старшего.

Своё дальнейшее развитие схема М. Х. Алешковского получила в работе (Гиппиус, 1997), где она была принята со следующей поправкой. Появление текста Н1 мл. за 1044–1074 гг., равно как и редактирование окончания статьи 1016 г., было отнесено нами не к XV в. (что предполагал Алешковский), а к середине XII в. и связано с составлением Германом Воятой около 1167 г. новой редакции владычного летописного свода. Представление о двух этапах формирования текста Н1 в XII в., отражённых, соответственно, её старшим и младшим изводами, разделили А. Тимберлейк (Timberlake, 2000), Л. Мюллер (Müller, 2006), К. Цукерман (2009), С. М. Михеев (2011), по-разному, впрочем, трактуя вопрос о том, какие варианты Начальной летописи использовались на этих этапах. С другой стороны, мысль М. Х. Алешковского об анна-

листическом продолжении Начального свода как основе текста ПВЛ за конец XI – начало XII в. легла в основу построения А. Тимберлейка (Timberlake, 2001) и нашей работы о редакциях ПВЛ (Гиппиус, 2007а, 2008а). Можно сказать, что поправка Алешковского составила основу если не для консенсуса в данной области, то, во всяком случае, для скоординированных поисков такового.

Второй сформулированный выше вопрос поразному решался А. А. Шахматовым на разных этапах его исследований. Первоначально Шахматов, по-видимому, отождествлял текст Н1 мл. до 1074 г. с Начальным сводом, однако, открыв для себя в «Разысканиях» более древние пласты начального летописания, отказался от такого отождествления в пользу представления о более сложной организации текста. Эта новая позиция диктовалась потребностями глубинной реконструкции, оправданием же для неё служило предполагаемое использование в Н1 мл., помимо основанного на Начальном своде «Софийского временника», также «Свода 1448 г.» (Новгородско-Софийского), в составе которого читалась большая часть текста ПВЛ за IX–X вв. Предполагаемая контаминация этих источников давала возможность отнести тот или иной, совпадающий с ПВЛ, фрагмент Н1 мл. за счёт использования «свода 1448 г.» – текст Начального свода оказывался при этом «неизвестным», которому можно было приписать произвольное значение[9]. Значительно реже Шахматов проецировал в Начальный свод чтения ПВЛ, отсутствующие в Н1 мл.[10] Таким образом, из текстологически осязаемой реальности Начальный свод превращался в объект реконструкции, осуществлявшейся Шахматовым в «Разысканиях» подчас весьма субъективно.

Ещё большую свободу в обращении с текстом Н1 мл. демонстрирует часть современных исследователей начального летописания. При этом, в отличие от Шахматова, отступления Н1 мл. от Начального свода видят не в совпадающих с ПВЛ фрагментах, но в расхождениях с нею, которые отчасти признаются восходящими к Начальному своду, отчасти же – объясняются как вмешательство новгородского сводчика XIII в. Эта позиция – своего рода гибрид гипотезы Начального свода со старым взглядом на Н1 мл. как на новгородскую переделку ПВЛ – наиболее последовательно представлена в работах В. Я. Петрухина (1998б, 2003 и др.). Композицию начальной части Н1 мл. исследователь рассматривает как конструкцию новгородского книжника, кардинальным образом переработавшего соответствующую часть Начального свода. Предполагается, в частности, что в рамках этой переработки космографическое (этногеографическое) введение Начального свода было заменено на написанное новгородским автором Предисловие. Сам же Начальный свод, рассматриваемый как идеальный носитель «библейского плана» начального летописания, выстраивающего историю Руси по образцу истории Израиля, с течением времени всё более сближается в работах В. Я. Петрухина с «классической» ПВЛ, утрачивая связь с Н1 мл. Не столь радикальную, но всё же существенную переработку текста Начального свода в новгородском летописании предполагает и Е. А. Мельникова (2008), видящая в ПВЛ более полное отражение исходной устной основы повествования о первых русских князьях, представленной в Н1 мл. с рядом лакун.

Автор настоящего очерка смотрит на соотношение Н1 мл. и Начального свода иначе. Мы считаем естественным, принимая общий тезис об отражении в Н1мл. свода, предшествовавшего ПВЛ, исходить из презумпции относительной точности этого отражения. Часто критикуемое «отождествление» Начального свода с Н1 мл. кажется более оправданной позицией, чем априорная апелляция к фигуре новгородского редактора, дающая исследователю карт-бланш на любые манипуляции с текстом. Владимиро-суздальская и южнорусская версии ПВЛ передают её текст без следов творческого вмешательства со стороны местных книжников, и непонятно, почему Новгород должен представлять в этом отношении исключение. На наш взгляд, убедительных свидетельств переработки начальной части Начального свода при включении его в Н1 мл. до сих пор приведено не было. Композиция первой статьи Н1 мл. (6362/854) не содержит ничего, что выдавало бы точку зрения новгородского летописца, и хорошо объясняется на почве древнекиевского летописания; вполне прозрачна и логика преобразований, которым этот текст подвергся при составлении на его основе соответствующей части ПВЛ (см. Творогов, 1976; Гиппиус, 2006а)[11]. То же относится и к остальному тексту Н1 мл. до 945 г., существенно расходящемуся с ПВЛ, в частности – к рассказу о княжении Игоря, который А. А. Шахматов находил сильно переиначенным в Н1 мл. и который, между тем, ничто не мешает целиком возводить к Начальному своду (см. Zukerman, 1995, p. 262–264; Гиппиус, 2001, с. 156–158). Наконец,

[9] Влияние со стороны ПВЛ Шахматов видел, в частности, в рассказе Н1 мл. о призвании варягов, объясняя им фразу «И от тѣхъ варягъ прозвашася русь», противоречившую его представлению о том, что варяги в Начальном своде с русью не отождествлялись (Шахматов, 1908/2002, с. 208–210, § 198, 199).

[10] Так, реконструируя рассказ Начального свода о княжении Игоря, Шахматов вставил в него фразу из ПВЛ: «И живяше Игорь, миръ имѣя къ вьсѣмъ странамъ, княжа Кыевѣ. И приспѣ осень, и нача мыслити на деревляны, хотя примыслити большюю дань» (Шахматов, 1908/2002, с. 86, § 70).

[11] Обрубленное же начало этой статьи находит объяснение в отношении Начального свода к предшествующему этапу истории летописания (см. ниже).

Рис. 6. Лаврентьевская летопись. Л. 44 об. Статьи 997–1015 гг.
Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург

остаётся в силе обоснованное Шахматовым отнесение к Начальному своду Предисловия Н1 мл. – несмотря на неоднократные попытки трактовать его как новгородский текст XIII или даже XV в. (критику этих попыток см.: Гиппиус, 2006 а; 2010 а). Всё это даёт основания видеть в начальной части Н1 мл. довольно точное воспроизведение соответствующей части Начального свода[12].

В такой оценке соотношения текстов мы не одиноки. Признание последовательной первичности и, как следствие, большей достоверности Н1 мл. по сравнению с ПВЛ лежит в основе «перестройки» древнейшей русской истории, предпринятой К. Цукерманом (Zuckerman, 1995; Цукерман, 2007). Как бы ни оценивать предложенную исследователем ревизию традиционной хронологии княжений Олега и Игоря, принципиальный отказ К. Цукермана базировать построение ранней истории Руси на известиях и датировках ПВЛ представляется абсолютно справедливым и вряд ли может быть подвергнут сомнению. Условность и искусственность всей ранней хронологии ПВЛ была ранее продемонстрирована И. Сорлен (Sorlin, 1991), с выводами которой положение о точном отражении в Н1 мл. Начального свода также вполне согласуется. Наиболее полное обоснование этот тезис получил в последних работах П. С. Стефановича (2011, 2012). На основе сплошного сопоставления текстов исследователь показывает, что составителем ПВЛ был использован тот самый текст, который дошёл до нас в Н1 мл., и что сделанные им к этому тексту дополнения не требовали обращения к каким-либо иным летописным источникам. Идентичность Начального свода в части до 1015 г. тексту Н1 мл. (за вычетом статьи 989 г.) предполагает и недавняя реконструкция С. М. Михеева (2011). Таким образом, в рамках «шахматовской» парадигмы данное положение постепенно приобретает статус общепринятого.

[12] Что же касается предполагавшегося А. А. Шахматовым влияния Новгородско-Софийского свода на текст Н1 мл., то оно новейшими исследованиями не подтверждается. Для Шахматова главным свидетельством такого влияния были включённые в Н1 мл. тексты Жития Александра Невского, Сказания об убиении в Орде Михаила Черниговского и рассказ о Куликовской битве. Однако, в свете наблюдений, сделанных в последние годы, эти тексты есть основания считать включёнными во владычную летопись в своде 1397 – ближайшем протографе Н1 мл., бывшем и источником Новгородско-Софийского свода (см.: Кучкин, 1998, с. 27; Гимон, 2006, с. 218–219; Гиппиус, 2011 а, с. 23–24). Направление заимствования, таким образом, было обратным тому, какое предполагал Шахматов. Имеется, впрочем, другая возможность текстологически оправдать поиски в древнейшей части Н1 мл. заимствований из ПВЛ. Если в статьях 1045–1074 гг. Н1 мл. составитель свода 1167 г. (Герман Воята) использовал текст ПВЛ (как мы считаем вслед за Алешковским), то он, теоретически, мог обращаться к этому источнику и в начале своего труда, редактируя текст Начального свода. Вопрос в том, есть ли необходимость предполагать такое обращение? На наш взгляд, она отсутствует.

Предшественники Начального свода

Реконструкция А. А. Шахматовым древнейших этапов истории летописания всегда вызывала больше всего возражений. Из последователей учёного только М. Д. Присёлков принимал его схему в единстве всех её звеньев – от Древнейшего свода до третьей редакции ПВЛ. В настоящее время шахматовскую номенклатуру сводов, предшествовавших Начальному, использует, как кажется, только Н. И. Милютенко (2006). Другие исследователи, разделяющие гипотезу Начального свода и при этом не исключающие самой возможности объективной реконструкции более глубоких пластов истории текста, так или иначе отходят от этой схемы, переосмысляя и упрощая её. При значительных расхождениях новейших опытов такой глубокой реконструкции, они в то же время демонстрируют определённое сходство в понимании истоков летописной традиции на Руси.

Теоретическую основу этой общей позиции составляет представление о соединении в ПВЛ, как и в русском летописании вообще, двух типов исторических материалов: связного повествования о событиях многих лет и погодных записей, относительно синхронных описываемым событиям. Это представление, восходящее ещё к К. Н. Бестужеву-Рюмину и М. И. Сухомлинову, было в XX в. наиболее отчётливо сформулировано М. Х. Алешковским (1976). Соотношение этих двух начал различно в разных летописных памятниках. Наиболее ярким примером повествования первого типа является Галицко-Волынская летопись XIII в., хронологическая сетка которой в Ипатьевской летописи наложена, как известно, на первоначально не членившийся на годы рассказ. Образцом памятника, состоящего почти исключительно из погодных записей, может служить новгородская владычная летопись за XII–XV вв., дошедшая до нас в Н1.

С осознанием того, что ведение погодных записей, то есть собственно анналистическая деятельность летописцев, выступает и в ПВЛ как самостоятельное текстообразующее начало, связана уже упомянутая поправка М. Х. Алешковского к схеме А. А. Шахматова. Анналистическое продолжение Начального свода с характерными для него указаниями часов – не первый в ПВЛ поток погодных записей. Ещё одна серия таких записей начинается с 1061 г.; в ней впервые систематически встречаются дневные датировки событий, и именно в ней, как правило, видели начало анналистической традиции на Руси. Скорее, однако, это начало следует относить на шесть десятилетий раньше, усматривая его в краткой серии совсем лаконичных записей, заполняющих лакуну в связном повествовании, приходящуюся на рубеж X–XI вв.:

Въ лѣто 6508. Преставися Малъфрѣдь. В се же лѣто преставися и Рогънѣдь, мати Ярославля.

Въ лѣто 6509. Преставися Изяславъ, отець Брячиславль, сынъ Володимерь.

Въ лѣто 6510.

Въ лѣто 6511. Преставися Всеславъ, сынъ Изяславль, внукъ Володимерь.

Въ лѣто 6512.

Въ лѣто 6513.

Въ лѣто 6514.

Въ лѣто 6515. Пренесени святии в святую Богородицю.

Въ лѣто 6516.

Въ лѣто 6517.

Въ лѣто 6518.

Въ лѣто 6519. Преставися цесариця Володимерая Анна (Лавр, с. 129–130) (рис. 6).

Большинство исследователей признают подлинность этих записей, связывая их с Десятинной церковью. А. А. Шахматов (1908, с. 163–164), вслед за А. А. Куником, считал эти известия заимствованиями из синодика или помянника киевских князей. Однако если в этом источнике преставления членов княжеского рода и некоторые другие события были записаны по годам, то более правильной будет характеристика его как примитивной формы анналов (так называемые «малые» анналы, лежащие у истоков жанра в Западной Европе, также в значительной степени состоят из записей смертей).

Сопоставляя эти предельно лаконичные записи с пространными погодными статьями конца XI в., можно видеть, какой путь прошла древнерусская анналистика за сто лет: из средства простой регистрации событий она превратилась в полноценный исторический нарратив. Такова общая тенденция развития анналистического жанра, которую в равной степени демонстрируют, например, Англо-Саксонская хроника (см.: Clark, 1995) и новгородское летописание XII–XIII вв. (см.: Гиппиус, 2006 б).

Присутствие в ПВЛ другого, «монотематического», по определению Алешковского, начала особенно ощутимо в её древнейшей части, охватывающей события до смерти Владимира. В литературе издавна обращалось внимание на случаи, в которых номер годовой статьи разрывает цельную фразу. Наиболее яркий пример такого рода представляет Н1 мл. в рассказе о княжении Игоря, общий обзор которого дан под 922 г. В конце этой статьи, после сообщения о передаче Игорем Свенельду деревской дани, сказано: «И рѣша дружина Игореви: се дал еси единому мужу много». За этим следует ряд из 22 годовых рубрик, большинство из которых оставлены пустыми, и в начале статьи 6453 (945) г. читаем: «В се же лѣто рекоша дружина Игореви: «отроци Свенелжи изоделися суть оружием и порты, а мы нази» (НПЛ, с. 109–110). Совершенно очевидно, что первоначально фраза имела вид: «И рѣша дружина Игореви: се дал еси единому мужу много: отроци Свенелжи изоделися суть оружием и порты, а мы нази»[13] (рис. 7).

Подобные, разорванные годовыми датами, контексты не выходят за пределы первой четверти XI в. (см.: Алешковский, 1976, с. 147). Их сумма показывает, что в основе древнейшей части ПВЛ и Начального свода лежал не поделённый на годы связный рассказ о начале Русской земли и первых русских князьях[14]. Хронологическая сегментация этого повествования – явление, симметричное тому, которое мы отметили, говоря о постепенном превращении погодных записей из формы регистрации событий в форму повествования о них. Оба процесса связаны между собой как встречные тенденции, определяющие логику эволюции начального летописания. У его истоков мы находим, с одной стороны, анналы, не являющиеся нарративом, а с другой – нарратив, не являющийся анналами. Со временем эти начала сближаются: анналистическая форма накапливает нарративный потенциал, а нарратив задним числом принимает форму анналов[15].

Наполнение этой общей модели, изложенной выше по тексту работы (Гиппиус, 2003), предполагает ответы на ряд вопросов. Что представляла собой исходная нарративная основа ПВЛ? Когда появился и какой временной период охватывал этот нарратив? Когда он был впервые соединён с анналистическими записями и когда разделён на годовые статьи?

А. А. Шахматов представлял «связный рассказ о древнейших судьбах Киева» как часть Древнейшего свода, за которой следовала его анналистическая часть, открывавшаяся рассказом об утверждении Владимира на киевском столе. Древнейший свод

[13] Специально об этом фрагменте в связи с соотношением Начального свода и ПВЛ см.: Творогов, 1976, с. 20; Гиппиус, 2001, с. 155–159. Попытку трактовать данный пассаж Н1 как продукт творчества новгородского книжника XV в. предпринял В. Аристов (2011). К сожалению, исследователь не разобрался в позиции своих оппонентов, приписав им представление, будто цельный рассказ Начального свода об Игоре и Свенельде был разбит вставкой хронологической сетки составителем Новгородской летописи (с. 181). В действительности, мы считаем (вслед за А. А. Шахматовым), что эта операция была произведена составителем Начального свода (см. ниже).

[14] Ср. формулировки Шахматова в «Разысканиях»: «[С]оставитель Начального свода имел в одном из своих источников связный рассказ о древнейших судьбах Киева» (1908/2002, с. 84, §69); «В Древнейшем своде рассказ о начале Русской земли, об Игоре и Олеге, о смерти Игоря и о княжении Святослава не был разбит на годы» (с. 90, § 71).

[15] Наличие у ПВЛ древней нарративной основы отрицает А. П. Толочко (Tolochko, 2011), считающий единственным местным истоком древнерусского летописания краткие анналистические записи. Возникновение оригинального исторического нарратива, считает он, требовало литературного опыта, который был накоплен киевскими книжниками лишь к концу XI – началу XII в., в эпоху, когда первые национальные хроники возникают и в соседних славянских странах. Однако ни «Чешская хроника» Козьмы Пражского, ни Хроника Галла Анонима не обнаруживают в повествовании о языческих временах той композиционной сложности и литературной гетерогенности, которая свойственна ПВЛ и которая как раз и заставляет предполагать постепенность складывания её нарративной составляющей.

был в его представлении именно сводом, то есть текстом, составленным на основе многих источников, устных и письменных. Свободно отступая в своей реконструкции от сохранившихся текстов и целыми эпизодами дописывая легендарную историю Руси (см. многократно критиковавшийся раздел «Разысканий», посвящённый «сказочным предкам» Владимира), Шахматов в то же время усваивал Древнейшему своду разнообразие композиционных форм, свойственное ПВЛ: в его реконструкции есть и хронологическая сеть, и заголовки, обозначающие начала княжений, и похвалы Ольге, Владимиру, Борису и Глебу с их церковной риторикой, и основанная на множестве литературных источников «Речь философа».

Современные модификации шахматовской схемы трактуют нарративное ядро ПВЛ иначе, видя в нём не часть летописного свода, но самостоятельное историческое сочинение, более однородное в литературном отношении, иначе говоря – сказание. Дальнейшая история текста мыслится при этом как постепенное разрастание этого ядра за счёт интерполяций и продолжение его погодной летописью (анналами).

Относительно того, что представляло собой первоначальное Сказание, существуют прямо противоположные точки зрения. Согласно гипотезе Д. С. Лихачёва (1947, с. 1950), это было составленное при Ярославе Мудром «Сказание о распространении христианства на Руси», написанное в традициях византийской патериковой литературы. М. Н. Тихомиров (1979, с. 46–66), напротив, восстанавливал в качестве первоосновы ПВЛ «Сказание о русских князьях», написанное в Киеве в конце X в., вскоре после крещения Руси, и носившее сугубо светский характер. О светском характере «летописи без дат» писал и М. Х. Алешковский, прослеживая её контуры в ПВЛ до 1066 г. «Эту летопись можно условно назвать Начальной и датировать приблизительно княжением Изяслава, временем конца 60-х – начала 70-х гг. XI в. Это замечательное произведение, глубоко самобытное по своей форме, никак не связано с византийскими образцами, в это время, надо полагать, уже известными на Руси» (Алешковский, 1971, с. 70).

Хотя гипотеза Д. С. Лихачёва кажется a priori более отвечающей далеко не светскому характеру древнерусской книжной культуры, её в настоящее время можно смело считать ошибочной. Д. С. Лихачёв с полным основанием констатировал наличие тесных содержательных и стилистических связей между фрагментами текста, возводившимися им к этому источнику. Однако, с точки зрения их происхождения, эти связи принципиально амбивалентны и могут в равной степени объясняться восхождением соответствующих фрагментов к некогда единому тексту и принадлежностью их перу одного позднейшего редактора. Текстологические аргументы, которые бы свидетельствовали в пользу избранной им первой возможности, Д. С. Лихачёвым приведены не были; положение, согласно которому первоначальное церковное сказание под пером позднейших летописцев насыщалось фольклорными подробностями, осталось необоснованным. Между тем, в дальнейшем были обнаружены яркие свидетельства обратного: в частности, в наиболее показательном в данном отношении рассказе о крещении Ольги церковно-«агиографические» фрагменты с редким единодушием трактуются в настоящее время исследователями как вторичные распространения первоначального рассказа, основанного на устном предании (Кузьмин, 1977, с. 339; Müller, 1988, с. 85–96; Чекова, 1993, с. 13; Шайкин, 2005, с. 50–58). Это соотношение следует относить к числу прочно установленных фактов истории текста Начальной летописи; что же касается гипотезы Д. С. Лихачёва, то числить её среди реально конкурирующих между собой вариантов стратификации ПВЛ в настоящее время не приходится (последовательную критику этой гипотезы ср.: Баловнев, 2000).

Альтернативное понимание нарративного ядра ПВЛ как текста, прослеживавшего раннюю историю Киева и династии Рюриковичей и основанного исключительно на устных источниках (дружинном предании), объединяет в настоящее время работы нескольких исследователей: К. Цукермана, А. Тимберлейка, С. М. Михеева, П. С. Стефановича и наши собственные. Названные авторы сходятся и в общем понимании того, чего *не было* в первоначальном Сказании. В нём не было: а) хронологической сетки, б) прямого цитирования Библии, в) пассажей гомилетического и агиографического характера; г) заимствований из византийской хронографии, д) антилатинской полемики.

Согласие по этим общим вопросам оттеняет специфику отдельных авторских версий концепции, которую можно условно обозначить как «теорию Ядра»[16]. Охарактеризуем эти версии, начав с собственного построения.

Специфика нашего понимания Ядра во многом определяется тем, что к нему нас привёл не содержательный, но лингвистический анализ ПВЛ, а именно наблюдения над оформлением в ней прямой речи – одного из важнейших структурных компонентов летописного нарратива (Гиппиус, 2001; 2009б). Отправным пунктом для нас послужило распределение в Лаврентьевском списке ПВЛ форм аориста глагола *рещи* – старых, типа *рѣша*, и новых, типа *рекоша*. Как оказалось, по данному признаку древнейшая часть ПВЛ, до конца X в., отличается от её продолжения, демонстрируя абсолютное преобладание старых форм. При этом все примеры новых форм в этой части памятника представлены в контекстах, так или

[16] Обозначение нарративной основы ПВЛ как «Ядра» (с прописной буквы) принадлежит П. С. Стефановичу.

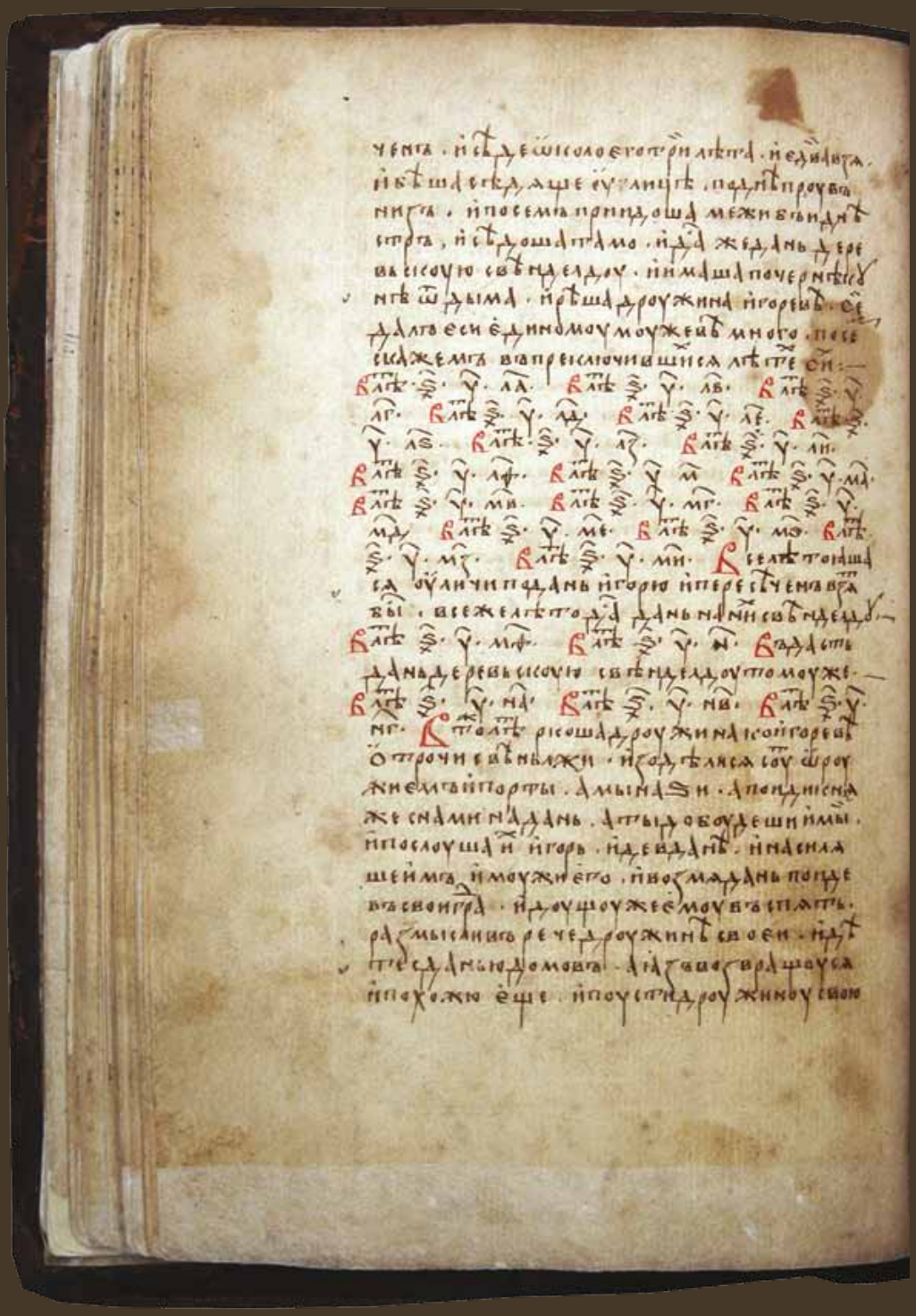

Рис. 7. Комиссионный список Новгородской 1-й летописи. Л. 31 об. Статьи 922–945 гг. Санкт-Петербургский Институт истории РАН

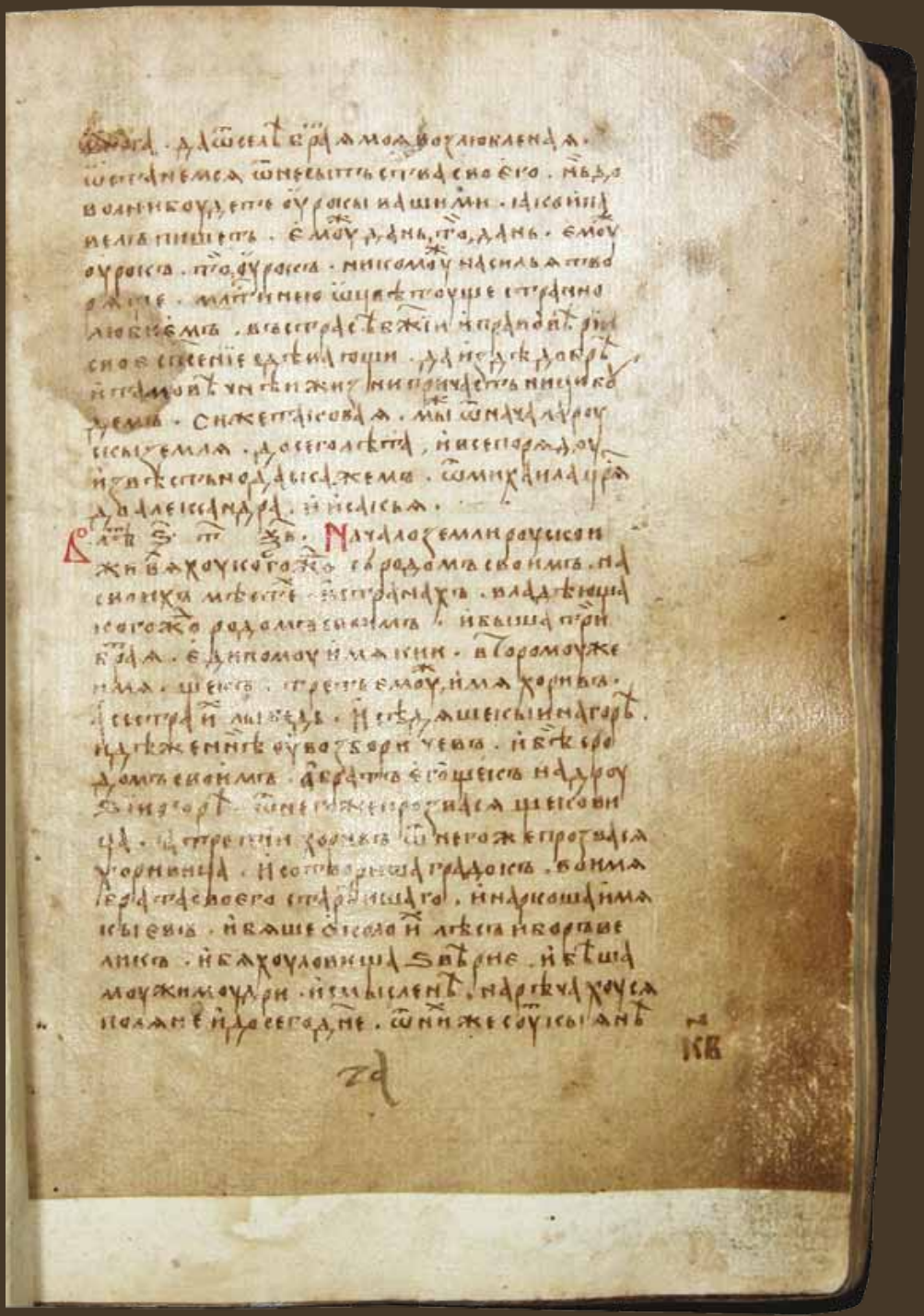

Рис. 8. Комиссионный список Новгородской 1-й летописи. Л. 28 об. Конец Предисловия к «Временнику» и начало статьи 854 г. Санкт-Петербургский Институт истории РАН

иначе обнаруживающих свой вторичный характер. Часть маркированных таким образом вставок составляют дополнения ПВЛ к тексту отражённого Н1 мл. Начального свода, в том числе рассказы о четвёртой мести Ольги (946) и «белгородском киселе» (997), тогда как другие выявляются в самом Начальном своде, свидетельствуя о более ранних этапах развития текста. Такими же, как формы типа *рекоша*, маркерами вторичных напластований оказались и следующие черты: 2) формы причастия прошедшего времени типа *рекъ*, *рекъши*; 3) форма им. ед. муж. причастия настоящего времени *река*; 4) оборот *отвѣщавъ рече*; 5) употребление глаголов *рещи* и *глаголати* в составе дательного самостоятельного. Мы добавили (Гиппиус 2007б) к этим признакам ещё один – употребление в качестве регулярного средства соединения предикаций в нарративе «*же*-модели» (*Ольга же поиде*, с первым компонентом – существительным) как альтернативы универсальной «*и*-модели» (*И поиде Ольга*).

Совокупность фрагментов, в которых названные признаки отсутствуют, и была гипотетически идентифицирована нами с нарративным ядром ПВЛ. По нашей оценке, Ядро (которое мы, вслед за К. Цукерманом, называем Древнейшим сказанием) представляло собой основанный на устном предании очерк истории Русской земли от основания Киева до крещения Владимира; оно включало в себя рассказы о хазарской дани, призвании варягов, завоевании Игорем Киева, походе Олега на Византию, убийстве древлянами Игоря и мщении Ольги, походах Святослава, усобице его сыновей, начале княжения Владимира и его крещении (от первоначального рассказа в ПВЛ сохранился лишь эпизод «испытания вер»). Был указан и следующий позитивный признак Ядра, важный для его литературной характеристики: это система парных определений типа *мудръ и смысленъ*, *мудръ и храбръ*, *многи и храбры*, последний раз фиксируемая в эпизоде испытания служб послами Владимира. Эпическая природа этого приёма сочетается с наличием у пары *мудр и смыслен* бесспорного библейского источника (Быт. 41: 33, 39; Втор. 1: 6, 15)[17], что неудивительно: именно ветхозаветный нарратив, при отсутствии хронографических источников, должен был стать главным литературным образцом для письменного оформления дружинного предания.

Дальнейшие наблюдения привели нас к реконструкции двух этапов редактирования Древнейшего сказания в XI в., вторым из которых был Начальный свод; первый этап, соответствующий в схеме Шахматова своду Никона, мы определили как «свод 1072 г.»[18], связав его, вслед за Л. В. Черепниным (1948), с первым перенесением мощей св. Бориса и Глеба. К интерполяциям, сделанным на этом этапе, мы отнесли: первоначальный рассказ о поездке Ольги в Царьград и её крещении, диалог Владимира с представителями конфессий и «Речь Философа», рассказ о походе Владимира на Корсунь и его крещении, описание крещения киевлян и жизни Владимира после крещения. К добавлениям Начального свода нами были отнесены: Предисловие, введение хронологической сети и заголовков, вставки из Хронографа, библейская параллель в рассказе о хазарской дани, агиографические и гомилетические вставки в рассказах о крещении Ольги, Владимира и киевлян, подборка цитат из пророков и богословская интерполяция в «Речи Философа», наставление Владимира в вере после крещения и некоторые другие.

В работе (Гиппиус, 2006а) стратификация древнейшей части ПВЛ была дополнена анализом идейных программ, определявших композицию Начальной летописи на основных этапах её формирования. Ключ к пониманию этих программ даёт, на наш взгляд, следующая трактовка соотношения начальных пассажей ПВЛ и Н1 мл. Присутствие в начале Н1 мл. «обрубка» этногеографического введения[19] заставляет реконструировать следующую непростую судьбу этого текста: Введение имелось в «своде 1072 г.», но было сознательно устранено составителем Начального свода, заменившим его на Предисловие; составитель же ПВЛ, имевший доступ к «своду 1072 г.», восстановил Введение в составе своего труда, сильно его расширив[20].

Поскольку вкрапление того же этногеографического дискурса имеется в рассказе Н1 мл. о княжении Игоря[21], причём носит явно вторичный характер (Zuckerman, 1995, с. 262), мы предположили, что Введение отсутствовало в Древнейшем сказании и было добавлено составителем «свода 1072 г.»; Сказание же, как впоследствии и Начальный свод, начиналось рассказом об основании Киева. Отказавшись от Введения, составитель Начального свода, по сути, вернулся к композиции Древнейшего свода, подобно тому как составитель ПВЛ позже вернулся к композиции «свода 1072 г.». История композиции

[17] Данилевский, 1997; Гиппиус, 2009б, с. 271–272.

[18] Заключаем это обозначение в кавычки, поскольку ниже нам придётся пересмотреть датировку этого летописного этапа.

[19] Таковым, несомненно, является первая фраза статьи 852 г. «Живяху кождо съ родомъ своимъ на своихъ мѣстех и странахъ, владѣюща кождо родомъ своимъ» (см.: Петрухин, 1995, с. 73–74).

[20] Нетривиальность такой реконструкции требует ещё раз подчеркнуть, что она является ничем иным, как неизбежным следствием принятия трёх положений, каждое из которых в отдельности можно считать доказанным. Этими положениями являются: 1) тезис об отражении в Н1 мл. Начального свода, 2) атрибуция составителю Начального свода Предисловия Н1 мл., 3) трактовка первой фразы Н1 мл. как остатка усечённого этногеографического введения.

[21] Это комментарий о расселении уличей: «И бѣша сѣдяще Углицѣ по Днѣпру вънизъ, и посемъ приидоша межи Бъгъ и Днѣстръ, и сѣдоша тамо». Ср. подобные формулировки в рассказе о расселении славян во Введении.

начальной части ПВЛ предстаёт, таким образом, как своего рода колебательный процесс: мы наблюдаем как бы несколько движений маятника, с увеличивающейся амплитудой раскачивающегося между двумя вариантами начала летописного повествования: «от Кия, Щека и Хорива» и «от Сима, Хама и Иафета». Первый из этих вариантов, «киевский», является для Начальной летописи исходным и получает новую жизнь в Начальном своде 1090-х гг. Второй, «библейский», вариант впервые появляется в «своде 1072 г.» и впоследствии восстанавливается в ПВЛ.

Общие контуры эволюции, которую описание ранней истории Руси претерпело в начальном летописании, видятся нам следующими (см. подробнее: Гиппиус, 2006а).

Созданное на рубеже X–XI вв. Древнейшее сказание представляло собой первый опыт связного изложения истории Руси и было сосредоточено на судьбе Киева и киевского княжения, прослеживая её от основания города «мудрыми и смысленными» полянами до крещения Русской земли «мудрым и смысленным» Владимиром.

В этногеографическом введении «свода 1072 г.» история Руси была впервые эксплицитно включена в перспективу библейской истории: через их общего предка киевские поляне и новгородские словене были возведены к Иафету, заняв таким образом место во всемирной «таблице народов». Воплощением этой библейской перспективы стала «Речь философа», включённая в летопись вместе с новой, корсунской, версией рассказа о крещении Владимира. С корсунским сюжетом идейно и текстуально увязан эпизод крещения Ольги, удревняющий историю русского христианства. Оба рассказа представляют крещение Руси как её культурное завоевание. Как Ольга, так и Владимир не пассивно принимают крещение от греков, но добиваются его: первая – хитростью, обманув сватающегося к ней императора, второй – силой, завоевав Корсунь и требуя в жёны порфирородную Анну. В обоих случаях принятие «закона греческого» парадоксальным образом сочетается с известным принижением самих греков, в чём можно видеть появление «западничества» вероятного заказчика свода – Изяслава Ярославича, имевшего самые тесные контакты с Польшей. Тот же западный уклон, с особым вниманием к лехитским племенам, ощутим в освещении этногеографическим введением (в том объёме, в каком оно могло читаться в «своде 1072 г.») славянского расселения.

Совсем иные акценты внёс в изложение ранней истории Руси составитель Начального свода. Он чётко обозначил их в Предисловии, поведя речь о том, «како избьра Богъ страну нашу на послѣдьнее время», и поместив Киев в череду мировых городов, наряду с Римом, Антиохией, Селевкией и Александрией. В этой «имперско-эсхатологической» перспективе история Руси получила новое начало. За него составителем Начального свода было принято первое появление руси на страницах всемирной истории – поход на Константинополь в царствование Михаила III, с которым сводчиком был условно синхронизован рассказ об основании Киева. От этногеографического введения «свода 1072 г.» составитель Начального свода отказался: как новый христианский народ («новии людие христианьстии») Русь не нуждалась в библейской генеалогии – отсчёт её истории можно было и следовало начать с чистого листа. Определённые на основе Хронографа первые даты русской истории стали основой хронологической сегментации текста Сказания, распространения на него анналистической формы, уже набравшей к концу XI в. нарративный потенциал. Введённые в текст вместе с датами заголовки отмечали начала княжений (resp. царств), структурируя историю Руси по византийскому образцу. Проявлением той же византийской перспективы, в которой составитель Начального свода писал историю Руси, стала и антилатинская направленность его труда, контрастирующая с прозападными тенденциями «свода 1072 г.» (рис. 8).

Составитель ПВЛ, желая предложить собственную версию ранней русской истории, исправленную и дополненную за счёт привлечения новых источников, располагал, по-видимому, не только текстом Начального свода с его анналистическим продолжением, но и текстом «свода 1072 г.». Для расширения новым материалом анналистическая структура Начального свода давала намного более удобную основу, чем связное повествование «свода 1072 г». Отождествление «начала Русской земли» с первым появлением руси у стен Константинополя в царствование Михаила III также не могло не импонировать сводчику, для которого отношения Руси с Византией составляли стержень её ранней истории (вспомним о вставленных им в летопись договорах с греками). Между тем, отсутствие в Начальном своде космографического введения должно было представлять в глазах составителя ПВЛ существенный композиционный недостаток: этническая география была его коньком, списки народов и племён, их древние перемещения, происхождение названий, обычаи и нравы – всё это живо интересовало его. Выстроенная в своде 1072 г. схема «Ной – Иафет – славяне – поляне» составляла идеальную канву для сообщения разнообразных сведений об этих предметах.

Итоговая композиция древнейшей части ПВЛ раскрывается перед нами в итоге как результат синтеза композиционных схем двух предшествующих ей летописных сводов. В её датированной (анналистической) части ПВЛ базируется на тексте Начального свода, распространяя и перерабатывая его; в своей недатированной части она воспроизводит – в сильно расширенном виде – композицию «свода 1072 г.» Само же разделение текста на недатированное Введение и анналистическую часть

составляет специфическую особенность композиции самой ПВЛ (в древнейшей части «свода 1072 г.» даты отсутствовали вообще, а Начальный свод начинал свое изложение с первой даты).

Сопоставим теперь наше видение стратификации ПВЛ с выводами других авторов, разрабатывающих «теорию Ядра». Это сопоставление в целом утверждает нас в собственных заключениях, заставляя в то же время скорректировать некоторые из них.

А. Тимберлейк (Timberlake, 2006; 2008) предлагает более простую, по сравнению с нашей, схему ранней истории начального летописания. Он не видит необходимости в реконструкции двух этапов, предшествовавших составлению Начального свода. Достаточно, по его мнению, предполагать один такой этап, соответствующий Древнейшему своду в схеме Шахматова. К этому этапу Тимберлейк относит первую письменную фиксацию дружинного предания, считая, что его дальнейшая обработка, с привлечением литературных, в частности хронографических, источников, была произведена уже в Начальном своде. К сожалению, указанные нами факты, делающие такую реконструкцию недостаточной, А. Тимберлейк обходит молчанием, что позволяет нам остаться при своей точке зрения. «Оккамова бритва» предписывает не множить сущности без необходимости – в данном случае необходимость налицо.

В одном важном пункте, однако, мы должны признать правоту А. Тимберлейка. Предложенная в (Гиппиус, 2006а) трактовка второго этапа истории текста как «свода 1072 г.» базировалась на оценке соотношения трёх летописных пассажей с упоминанием «жребия/предела братня»: описания раздела земли сыновьями Ноя во Введении, завещания Ярослава в статье 1054 г. и комментария летописца к сообщению об изгнании Святославом Изяслава в 1073 г. В своё время (Гиппиус, 1994) мы, опираясь на различия в трактовке библейского раздела земли во Введении (где землю делят сами сыновья Ноя) и статье 1073 г. (где этот раздел упоминается как произведённый ими по заповеди отца и при этом Сим по ошибке назван Сифом), предположили, что статьи 1054 и 1073 гг. читались в Начальном своде, а рассказ о разделе земли сыновьями Ноя во Введении был вторично «подстроен» к ним ПВЛ, в которой впервые появилось само Введение. Позже В. Я. Петрухин убедил нас в том, что Введение, след которого сохранился в первой статье Н1 мл., должно было в какой-то форме присутствовать и в летописании XI в. Согласившись с этим, но продолжая считать, что автор, описавший раздел земли Симом, Хамом и Иафетом, не мог дважды назвать Сима Сифом под 1073 г., мы предположили, что в первоначальном тексте, появившемся до 1073 г., пару с библейским сюжетом Введения образовывало завещание Ярослава, статья же 1073 г. появилась позже, и её автор развил аналогию, проведённую его предшественником. Такая группировка трёх пассажей была в двух отношениях ущербной. Во-первых, она не объясняла неполноту параллели между статьёй 1054 г. и Введением. Во-вторых, выходило, что принцип «не преступати предѣла братня» был сформулирован в своде 1072 г. «превентивно» и, можно сказать, пророчески, предвосхитив узурпацию в следующем году киевского стола Святославом Ярославичем. Искусственность этой конструкции стала особенно ясна, после того как А. Тимберлейк (Timberlake, 2006) привёл убедительнейшие свидетельства того, что завещание Ярослава и комментарий в статье 1073 г. вошли в летопись одновременно, в Начальном своде 1090-х гг. Соглашаясь с этим и возвращаясь в данном отношении к своей прежней точке зрения, мы в то же время не видим оснований отказываться от обоснованного ранее тезиса (см.: Гиппиус, 2006а), согласно которому Введение читалось в «своде 1072 г.», было устранено в Начальном своде и в расширенном виде восстановлено в ПВЛ. Более того, именно представление о двух этапах формирования Введения позволяет объяснить соотношение трёх пассажей, учтя наконец все ранее отмечавшиеся факты. Следует полагать, что принцип «не преступати въ жребии братьнь» появился в составе Введения лишь в ПВЛ; первоначальный же текст рассказа о сыновьях Ноя не включал его и вообще был предельно краток[22].

Радикальную ревизию шахматовской схемы в рамках «теории Ядра» предложил К. Цукерман (2009). Роль Ядра в его построении отведена «Древнейшему сказанию», созданному в 1016/17 г., сразу после победы Ярослава под Любечем, и отразившемуся в старшем изводе Н1. Первый лист Синодального списка, считает К. Цукерман, донёс до нас окончание Сказания, чем и объясняется резкое изменение характера текста начиная со статьи 1017 г. Последнюю учёный трактует как приписку к Сказанию, видя в продолжающих её кратких статьях выборку из ПВЛ. Отражение следующего этапа киевского летописания К. Цукерман видит в Н1 мл., определяя этот этап как Свод 1076 г. Основанием для такой датиров-

[22] Реконструкция этого рассказа (см.: Гиппиус, 2006а) опиралась на точку зрения М. Х. Алешковского (1971), считавшего, что вставки из Хроники Георгия Амартола в космографическом описании ПВЛ были сделаны в текст, основанный на выдержках из Хроники Иоанна Малалы в Хронографе по великому изложению. Между тем, как показала Т. Вилкул (2007а), прямые текстуальные заимствования из Амартола и Малалы были изначально соединены в тексте Введения. Однако, как верно заметил Д. А. Добровольский (2006, 2009), первоначальный текст Введения мог вообще не включать этих прямых заимствований из византийской хронографии. Действительно, устранив из текста ПВЛ эти прямые заимствования, а заодно и слова «Симъ же и Хамъ и Афетъ раздѣливше землю жребии метавъше, не преступати никомуже въ жребии братьнь», мы получаем связный текст, который, как представляется, и может быть идентифицирован с исходным видом Введения: «По потопѣ трие сынове Ноеви раздѣлиша землю: Симъ, Хамъ, Афетъ. И яся въстокъ Симови <...>, Хамови же яся полуденьная страна <...>, Афету же яша ся полунощьныя страны и западьныя <...>. И живяху къждо въ своеи части...»

ки служит внезапное прекращение полного использования в Н1 мл. киевского источника после 1074 г.[23] Отсутствие в Н1 мл. описания событий 1018–1043 гг. К. Цукерман объясняет тем, что его не было и в своде 1076 г. Заполнение этой «пустоты» было, как он считает, произведено в своде 1090-х гг., составитель которого использовал с этой целью Паремийные чтения о Борисе и Глебе и несохранившееся Житие Антония.

С рядом критических замечаний К. Цукермана в адрес нашего построения невозможно не согласиться. Одно из них касается трактовки сюжета о «братнем жребии», которую мы уже пересмотрели в свете наблюдений А. Тимберлейка. К. Цукерман также с полным основанием упрекает нас в том, что, признавая вероятным создание Ядра в конце X в., мы, вслед за Б. А. Рыбаковым и Л. В. Черепниным, реконструировавшими летописный свод 996 г., ссылались на хронологическую «паузу», наступающую в связном повествовании ПВЛ после 997 г. и продолжающуюся до статьи 1014 г. В действительности, как совершенно справедливо замечает К. Цукерман (2009, с. 198), эта «пауза» является оптической иллюзией, вызванной тем, что сводчик второй половины XI в., членя на годы текст своего источника, оторвал фразу, подводившую итоги деятельности Владимира («И живяше Володимиръ по устроению божию и дѣдьню и отьню»), от её непосредственного продолжения («Ярославу же живущу Новѣгородѣ и урокъмь дающю дань Кыеву...»), поместив между ними группу анналистических записей за 1000–1010 гг., разделённых «пустыми» годами. Соглашаясь с этим, заметим лишь, что, очерчивая контуры Ядра, мы опирались вовсе не на указанную «паузу», а на языковые характеристики этого текста, не выходящие в своём распространении за пределы рассказа об «испытании вер». При этом рассказ о строительстве Десятинной церкви рассматривался нами как относящийся уже к продолжению Сказания.

Оценивая в целом смелое построение К. Цукермана, мы, к сожалению, не можем разделить ни одного из его ключевых звеньев. Трактовка рубежей в тексте Н1 как отражения хронологических пределов киевских летописных памятников XI в. представляется малообоснованной, порождая в то же время целый ряд натяжек и противоречий. Содержательная критика этой схемы уже была дана в рецензии Н. И. Милютенко (2011), с большинством положений которой следует согласиться. Милютенко, в частности, справедливо возражает против трактовки К. Цукерманом соотношения текстов в статьях 1016–1019 гг. Неправдоподобным выглядит уже предположение, что добавления «свода 1076 г.» к рассказу о борьбе Ярослава со Святополком свелись к вставке нескольких фраз в конце статьи 6524 г. Ещё удивительнее оказывается то, что эти добавления были каким-то образом отделены составителем свода 1090-х гг. от первоначального рассказа о Любечской битве (который сводчик перекроил до неузнаваемости) и разделены между описаниями Альтской (1019) и Лиственской (1024) битв.

Столь же нереалистичным нужно признать и предлагаемое К. Цукерманом объяснение того, каким образом сводчик 1090-х гг. заполнял «пустоту», якобы имевшуюся в своде 1076 г. в промежутке между 1024 и 1044 гг. Цукерман полагает, что автор свода 1090-х г. привлёк для этого Паремийные чтения о свв. Борисе и Глебе и Житие Антония. Паремийные чтения играют в его схеме роль главного соединительного звена между Сказанием и сводом 1076 г. Между тем, как мы показываем в специальной работе (Гиппиус, 2010б), этот текст есть все основания считать основанным на ПВЛ в её известном нам виде. Что же касается Жития Антония, то, как верно замечает Милютенко, утраченному уже к XV в. памятнику можно приписать что угодно, включая и описание битвы на Буге в 1118 г., детали которого подтверждаются современным свидетельством Титмара Мерзебургского. Но не проще ли, отказавшись от фантомной «пустоты», возвести это описание к тому же, совсем не агиографическому, источнику, что и описание Любечской битвы, с которым статья 1018 г. ПВЛ имеет целый ряд языковых и литературных пересечений?

Не меньше возражений вызывает отнесение к своду 1076 г. текста Н1 мл. за 1044–1074 гг. От «классической» ПВЛ его отличают лишь новгородские добавления на начальном участке (до 1060 г.) и отсутствие рассказа об основании Печерского монастыря под 1051 г. Трудно представить, чтобы пройдя два этапа редактирования, текст «свода 1076 г.» дошёл до нас практически в том же виде, в каком вышел из-под пера его составителя. Считая так, К. Цукерману приходится закрывать глаза на присутствие на этом участке очевидных вставок, какой является, например, поучение о казнях Божиих под 1068 г.; следы редакторской переработки имеются и в рассказе о смерти Феодосия под 1074 г. В противоречии с атрибуцией Цукермана находится и рассказ о белозерских волхвах под 1071 г., записанный со слов Яня Вышатича. Янь был информатором составителя Начального свода, сделавшего запись о его смерти в анналистическом продолжении своего труда под 1106 г. Слова «от негоже и азъ многа словеса слъıшах, еже и вписах в лѣтописаньи семь» (Лавр., с. 281) естественно понимать как имеющие в виду в первую очередь рассказ о волхвах; считать же Яня информатором сразу двух киевских летописцев XI в. нет оснований. Не придаёт

[23] Определение источника Н1 мл. как свода середины 1070-х гг. восходит к В. К. Зиборову (1995), атрибутирующему этот свод Нестору. Ключевая роль в аргументации В. К. Зиборова отводится Тверскому сборнику, в котором, как считает исследователь, сохранилась утраченная в Н1 мл. концовка рассказа о смерти Феодосия Печерского. Однако концовка эта, вне всяких сомнений, была дописана самим составителем Тверского сборника, активно редактировавшим свои источники, и никак не может свидетельствовать об использовании первоначального вида свода, отражённого Н1 мл.

убедительности построению Цукермана и необходимость предполагать утрату в протографе Н1 мл. листа, содержавшего окончание «свода 1076 г.».

Последней на сегодняшний день реализацией «теории Ядра» является книга С. М. Михеева (2011), предпринявшего первый в современной историографии опыт целостной реконструкции истории начального летописания. Поставив перед собой эту амбициозную задачу, С. М. Михеев также, впервые после Шахматова, решился реконструировать сами тексты древнейших летописных памятников, что делает особенно наглядными как преимущества, так и недостатки его реконструкции.

Предшественниками Начального свода в схеме С. М. Михеева являются «Древнее сказание», созданное в 1016/17 г., и свод 1078/79 г., за которым С. М. Михеев сохраняет шахматовское обозначение «свод Никона». В своих структурных основаниях реконструкция С. М. Михеева более других вариантов «теории Ядра» сближается с нашей схемой. Важнейшими объединяющими нас положениями являются: представление об анналистическом продолжении Начального свода как основе текста ПВЛ за конец XI – начало XII в.; признание факта существования редакции ПВЛ 1117 г., отразившейся в её ипатьевской и – частично, путём «обновления» кодекса Сильвестра – в лаврентьевской версии; реконструкция двух этапов истории текста, предшествовавших составлению Начального свода; представление о динамике развития начальных пассажей летописи (появление библейского Введения в своде 1070-х гг. и его замена на Предисловие в Начальном своде). Общее понимание этих вопросов делает наши построения самыми близкими друг другу вариантами стратификации ПВЛ. Основные расхождения с нашей схемой сформулированы самим С. М. Михеевым (2011, с. 159–160). Прокомментируем, не вступая в подробную полемику, те из них, которые существенны для стратификации ранней, до середины XI в., части Начальной летописи.

С. М. Михеев полагает (следуя в этом за К. Цукерманом), что «Древнее сказание» было создано в 1016/17 гг. и заканчивалось рассказом о Любечской битве; по нашей оценке, текст Сказания заканчивался до начала рассказа о Ярославе и мог быть создан ещё при Владимире Святославиче. Причина, по которой мы не можем принять датировку Сказания 1016/17 гг., уже была названа — это искусственность отделения начала рассказа о борьбе Ярослава со Святополком от его продолжения в статье 1018 г. Тот факт, что «разрыв текста погодной сеткой и тематическими подзаголовками наблюдается только до статьи 6524 г.» (Михеев, 2011, с. 121), ещё не означает, что не разделённое на годы связное повествование не простиралось далее Любечской битвы. Первоначальный рассказ о княжении Ярослава, литературное и языковое единство которого справедливо отмечалось Н. И. Милютенко (2006), вполне мог представлять собой продолжение Сказания, сохранявшее его типологические характеристики. Однако, помимо этого рассказа, сводчик, осуществивший погодную сегментацию текста, бесспорно располагал также аутентичными погодными записями – подобными той, что дошла до нас в виде статьи 1017 г. ПВЛ. Это существенно усложняло характер его работы, не позволяя прибегать к тем приёмам, которыми он пользовался, препарируя текст Сказания за X столетие. Этим, надо полагать, и объясняется отсутствие после 1016 г. «разорванных» датами контекстов.

С. М. Михеев считает, что в «Древнем сказании» не описывалось почти никаких событий времени правления Владимира Святославича; мы же полагаем, что такое описание в Сказании имелось и что к нему, в частности, восходит древнейший слой рассказа о крещении Руси. Реконструкция Михеева, в которой непосредственно за сообщением о вокняжении Владимира в Киеве следует фраза, описывающая его отношения с западными соседями («И пакы нача княжити Володимеръ в Киевѣ <...> живущу ему съ князи его окольними с мироль: с Болеславомъ лятьскымъ, Степаномъ угорьскымъ, съ Андрѣхломъ чьшьскымъ; и бѣ миръ межи ими и любъвь»), лишена правдоподобия – особенно на фоне органичного соответствия, в котором вторая фраза находится с непосредственно предшествующим ей текстом ПВЛ (по Михееву, появившимся в своде 1070-х гг.)[24]. То же относится и к предполагаемому умолчанию Сказания о крещении Руси. С. М. Михеев, сознавая странность такой композиции, готов допустить, что в «Древнем сказании» всё же говорилось о крещении и что «отголоском этого рассказа может быть <...> высказывание летописца: «Се же, не ведуще право. Глаголють, яко крестился есть въ Киевѣ, инии же рѣша: в Василевѣ, друзии же инако сказующе» (с. 110). Такое допущение вполне согласуется с нашей реконструкцией, согласно которой рассказ о «выборе веры», совершённом Владимиром с помощью его «мудрых и смысленных» послов, продолжался в Сказании несохранившимся описанием крещения Владимира в Киеве. Критикуя нашу гипотезу, С. М. Михеев, к сожалению, приписывает ей мнимые противоречия[25]

[24] Ср.: «Бѣ бо Володимеръ любя дружину и с ними думая о строи земленѣм и о ратехъ и о уставѣ земленѣм, и бѣ жива съ кнѣзи околними миром...» (Лавр., с. 126).

[25] С. М. Михеев находит, что предполагаемое нами «отсутствие диалогической части речи философа в её первоначальном тексте» входит в противоречие с нашим тезисом, согласно которому характеристика философом веры латинян в его диалоге с Владимиром («ихъ же вѣра маломь с нами развращена») первоначально не содержала слова «развращена», которым в Начальном своде была заменена какая-то другая лексема (например, «различьна»). В действительности противоречия здесь нет, так как под «Речью философа» мы понимаем только вложенное в уста греческого миссионера сжатое изложение Священной истории, не относя к ней обрамляюще-

и игнорирует значительную часть аргументов. Положений, которые заставляли бы пересмотреть нашу стратификацию повествования ПВЛ о крещении Руси (Гиппиус, 2008 в), эта критика не содержит.

С. М. Михеев считает, что разбивка Древнего сказания на годы была произведена в 1070-е гг. в «своде Никона»; мы же находим, что эту операцию произвёл составитель Начального свода 1090-х гг. В противоречии с точкой зрения С. М. Михеева находится тот факт, что разбивающие связный текст вставки годовых дат обнаруживаются и внутри фрагментов, которые сам исследователь (разделяя в этом нашу позицию) атрибутирует сводчику 1070-х гг. Первый из этих случаев фиксируется в рассказе о походе Владимира на Корсунь: «Отвѣщавъ же Володимеръ, рече: «то кдѣ крещение приимемъ?» Они же рѣша: «гдѣ ти любо». И минувъшю лѣту [В лѣто 6496.] Иде Володимирь въ силѣ велицѣ на Коръсунъ, град грѣческыи...» [НПЛ, с. 150]. Михеев рассматривает данный контекст отдельно от других, считая, что дата не составляет в нём заголовка годовой статьи, но является обычным обстоятельством времени: «И когда прошёл год, в 6496 г. пошёл Владимир с войском на Корсунь, город греческий». Между тем, механизм введения даты здесь совершенно тот же, что и в статье 972 г. («Веснѣ же приспѣвши. [А се княжение Ярополче. В лѣто 6480]. Поиде Святославъ в порогы...» [НПЛ, с. 124]), где, согласно Михееву, дата введена в текст Сказания сводчиком 1070-х гг.

Второй пример ещё более показателен. Рассказ о строительстве церкви Богородицы и пожаловании ей десятины распределён между статьями 991 и 996 гг. Приведём окончание первой и начало второй: «И наченшю же ему ставити, и яко сконца церковъ, и украси ю честными иконами, и поручивъ ю ерею Анастасу Корсунянину, епископы корсуньскыя пристави служити в неи; и вда ту все, еже бѣ в Корсунѣ взялъ: иконы и съсуды и кресты честныя съ драгым камениемъ. <...> В лѣто 6504. И видѣ пакы Володимиръ свершену церковь, и вшед в ню, помолися, глаголя...» (НПЛ, с. 165). Способ хронологической сегментации повествования здесь принципиально сходен с тем, какой мы наблюдали в рассказе об Игоре. К. Цукерман (2009, с. 196) с полным основанием рассматривает данный пример как «типичный случай расчленения на годовые статьи сплошного долетописного рассказа». С. М. Михеев же и данный контекст вынужден трактовать как особый случай. Предполагая, что основанием датировки событий эпохи Владимира для летописца послужили хронологические заметки, дошедшие до нас в тексте «Памяти и похвалы князю русскому Владимиру» (где закладка церкви Богородицы датирована четвёртым годом по крещении, а пожалование десятины – девятым), он заключает, что «составитель Свода Никона был вынужден рассказать о строительстве Десятинной церкви и о передаче ей десятины *в разных годовых статьях*» (с. 100). Это само по себе справедливое соображение не объясняет, однако, почему Владимир в летописи заканчивает (!) строительство церкви и снабжает её всем необходимым в один год, а спустя пять лет «обнаруживает» «церковь свершену». Столь искусственное членение текста кажется немыслимым под пером его автора, что, однако, вынужден предполагать С. М. Михеев.

Противоречивой выглядит в концепции С. М. Михеева и трактовка первой летописной даты – 6362 (854) г. Согласно нашей схеме, эта дата и относящийся к ней заголовок были внесены составителем Начального свода, заменившим этногеографическое введение свода 1070-х г. на Предисловие, в котором, среди прочего, впервые вводилось само понятие «начала Русской земли». Предисловие, дата, заголовок и «обрубленное» начало первой статьи Н1 мл. трактуются нами как элементы, сопряжённые в рамках общего композиционного замысла, альтернативного композиции Свода 1070-х гг. В схеме С. М. Михеева эти композиционные связи оказываются разрушены. Дату и заголовок исследователь трактует как вставки того же автора (составителя Свода Никона), которому принадлежит и Введение. Поскольку, однако, совместить Введение и дату в рамках одной композиции не удаётся, С. М. Михеев вынужден допустить, что дата и заголовок читались где-то на полях, вне основного текста, предлагая таким образом и для данного случая объяснение ad hoc.

Всё сказанное, конечно, не означает, что реконструкция С. М. Михеева представляется нам ошибочной во всех пунктах, где она расходится с нашей. По крайней мере, в двух взаимосвязанных моментах она существенно продвигает вперёд стратификацию ПВЛ, заставляя нас скорректировать свою позицию.

Это, во-первых, вопрос о месте, занимаемом в стратиграфии ПВЛ рассказом об убийстве Святополком Бориса и Глеба. До появления работы (Михеев, 2009) мы склонны были видеть в этом тексте органическую часть продолжения, которое Древнейшее сказание, заканчивавшееся рассказом о крещении Руси, получило в «своде 1072 г.». В указанной работе, однако, С. М. Михеевым были приведены убедительные аргументы, подтверждающие догадку С. М. Соловьёва, видевшего в рассказе о преступлении Святополка «отдельное сказание», вставленное в летопись. Трактовка этого рассказа как вставки в первоначальное повествование об

го этот цельный текст диалога философа с Владимиром. Говоря об изначально монологическом характере «Речи философа», мы имели в виду лишь отсутствие перебивающих это изложение реплик Владимира и ответов на них философа, вводящих подборку цитат из пророков и богословские рассуждения. К сожалению, такое узкое понимание «Речи философа» не было специально оговорено нами, что и явилось причиной недоразумения.

усобице сыновей Владимира удачно объясняет целый ряд несообразностей и повторов, обнаруживаемых в летописном изложении.

Во-вторых, П. В. Лукиным (2007) и С. М. Михеевым (2008) было убедительно показано, что статья Н1 мл. 1016 г., содержащая рассказ о новгородских событиях 1015 г. и Любечской битве, восходит не к Начальному своду, но к более древнему памятнику, ещё не имевшему членения на годовые статьи[26]. Этот памятник, как предполагает С. М. Михеев, был привлечён для восполнения дефекта использованной в Новгороде рукописи Начального свода, обрывавшейся посреди рассказа об убийстве Глеба. Последний, как показала Т. Вилкул (2003, с. 11–13), был доведён до конца на основе списка «Сказания о Борисе и Глебе». Двухступенчатый характер восполнения лакуны хорошо объясняется, исходя из предположения, что в привлечённом в статье 1016 г. Н1 летописном источнике повествование об усобице Владимировичей ещё не было осложнено вставным рассказом об убийстве Бориса и Глеба (иначе для продолжения рассказа об убийстве Глеба не нужно было бы прибегать к агиографическому источнику). С этим хорошо согласуется отсутствие в Н1 мл. молитвы Ярослава, призывающего Бога в отмщение крови убитых братьев, равно как и неупоминание преступления Святополка в обращении Ярослава к новгородцам[27].

Что же представлял собой использованный в Новгороде источник, в котором уже читался не поделённый на годы рассказ о смерти Владимира и последовавших за ней событиях, но ещё ничего не сообщалось об убийстве Святополком Бориса и Глеба? В нашу схему, в том виде, в каком она излагалась до сих пор, такой источник не вписывается. В схеме С. М. Михеева он отождествляется с «Древним сказанием» 1016/17 г., однако от такого определения нарративного ядра ПВЛ мы только что отказались.

Такое положение дел требует модификации нашей схемы, которую она вполне допускает. Выше мы уже предположили, что первоначальное описание событий эпохи Ярослава Владимировича возникло как цельное повествование, продолжившее текст Древнейшего сказания. Теперь нам нужно лишь допустить, что это продолжение появилось ранее составления свода 1070-х гг., в котором оно было интерполировано вставным рассказом о Борисе и Глебе.

Возникает вопрос: в каком отношении к первоначальному продолжению Сказания находятся другие тексты, появление которых в составе Начальной летописи мы до сих связывали с составлением «свода 1072 г.»: краткое этногеографическое введение, рассказы о крещении Ольги, походе Владимира на Корсунь, Речь философа и др.? Теоретически, он допускает два варианта решения, которые условно обозначим как сценарии А и Б.

Сценарий А. Первоначальное описание событий эпохи Ярослава Мудрого представляло собой простое продолжение Сказания и не было сопряжено с распространением его текста за IX–X вв.; указанные добавления появились в своде 1070-х гг., одновременно со вставкой рассказа об убийстве Бориса и Глеба.

Сценарий Б. Первоначальное описание событий эпохи Ярослава Мудрого появилось одновременно с распространением исходного текста Сказания; вставка в него рассказа о Борисе и Глебе была произведена на следующем этапе редактирования летописи.

При выборе сценария А основные композиционные преобразования в древнейшей части летописи, предшествовавшие составлению Начального свода, возводятся к своду 1070-х гг. При выборе сценария Б они должны быть возводимы к более раннему летописному памятнику, создание которого можно, пока условно, отнести к середине XI в.

Какому из этих сценариев следует отдать предпочтение? На наш взгляд – второму. Свидетельство того, что продолжение Сказания за первые десятилетия XI в. было с самого начала увязано с интерполяцией текста в его исходных хронологических рамках, мы видим в статье ПВЛ 1018 г. Сообщая об уходе Болеслава из Киева, летопись отмечает, что к награбленному имуществу польский князь «приставил» Анастаса Корсунянина – настоятеля Десятинной церкви («и Настаса пристави Десятиньнаго ко имѣнью, бѣ бо ся ему ввѣрилъ лестью»). Если данная деталь восходит к первоначальному рассказу (а сомневаться в этом оснований нет), то рассказ этот мог появиться лишь в своде, уже излагавшем корсунскую версию крещения Руси, по нашей оценке – вторичную.

Определение состава летописного свода середины XI в. и его места в истории начального летописания должны составить предмет особого исследования. Предваряя его выводы, скажем, что одно из главных отражений этого свода мы видим в летописях Новгородско-Софийской группы – тех самых «неизвестно-откуда-взятых материалах» (по Г. М. Прохорову), которые были упомянуты в самом

[26] Свидетельствами этого являются: 1) иная, по сравнению с предшествующей частью Н1 мл., степень близости её текста к тексту ПВЛ; 2) отсутствие вставки с датой 6524 и заголовком «Начало княженья Ярославля Кыевѣ» в рассказе о походе Ярослава к Любечу; 3) отсутствие молитвы Ярослава, в ПВЛ явно носящей вставной характер.

[27] «Братье, отець мои Володимиръ умерлъ есть, а Святополкъ княжить в Киевѣ; хощю на него поити; потягнете по мнѣ» (НПЛ, с. 173). Упоминание же убитых братьев в известии, полученном Ярославом от Передславы («Отець ти оумерлъ, а братья (!) ти избьена») находится в противоречии с его изложением в рассказе об убийстве Глеба («В се же время пришла бѣ вѣсть къ Ярославу от Передславы о отни смерти, и посла Ярославъ къ Глѣбу, глаголя: «отець ти умерлъ. а брат (!) ти убиенъ от Святополка») и вполне может трактоваться как вставка новгородского сводчика (см.: Михеев, 2009: 42–48).

начале нашего обзора, но более в нём не всплывали. Эти известия, игравшие видную роль в схеме А. А. Шахматова, возводившего их к Новгородскому своду XI в. (и, отчасти, при его посредстве, к Древнейшему своду), не нашли себе места в новейших опытах стратификации начального летописания, объединённых нами в рамках «теории Ядра». Из современных текстологов их использует только Н. И. Милютенко (2006, 2007), сохраняющая, как уже говорилось, особую верность шахматовской схеме. Думается, что настало время заново оценить значение этого материала. Компактный массив уникальных «новгородско-софийских» известий, касающихся по большей части истории Новгорода, но далеко не только её, ограничен хронологическими рамками с 1017 по 1060 г.[28] Имеется, на наш взгляд, достаточно оснований возводить его к тому же источнику, который отразился в статье 1016 г. обоих изводов Н1. В этом источнике нет необходимости видеть новгородский летописный свод: его мощная новгородская составляющая (а возможно, и участие новгородского автора в создании текста) находит объяснение, если считать заказчиком свода Изяслава Ярославича, «предержавшего», согласно записи дьякона Григория в Остромировом Евангелии, «обе власти» – Киев и Новгород. Значение последнего обстоятельства для истории летописания хорошо сознавал М. Х. Алешковский, связывая именно с Изяславом возникновение нарративного ядра ПВЛ – «Начальной летописи» (см. выше). В нашей модифицированной схеме свод Изяслава является уже не первым, но вторым этапом становления начального летописания, но мысль М. Х. Алешковского об общерусском характере Изяславовой летописи в полной мере сохраняет своё значение. Создание этого произведения можно, учитывая верхнюю границу отражения его в Н1 мл. и летописях Новгородско-Софийской группы, датировать самым началом 1060-х гг. – временем складывания «триумвирата» Ярославичей. Раздел Смоленской земли после смерти Игоря, сообщение о котором («И по сем раздѣлишя Смоленскъ на три части») было, возможно, одним из последних в своде, как раз и знаменовал собой установление этой новой политической конфигурации. Появление именно в это время библейского зачина Начальной летописи («По потопѣ трие сынове Ноеви раздѣлиша землю <...> и живяху кождо въ своей части») выглядит глубоко символичным. Неслучайно, возможно, и то, что с 1061 г. в ПВЛ начинают регулярно встречаться дневные даты событий.

Подведём некоторые итоги. Предложенный в настоящей статье обзор современных опытов стратификации текста Повести временных лет вывел нас на новый виток нашей реконструкции. Скептически настроенный читатель, вероятно, увидит в этом лишь очередное умножение гипотетических сводов. Мы склонны оценивать ситуацию иначе. Как мы старались показать, дискуссии последнего времени демонстрируют то, чего была лишена историография ПВЛ XX в.: наличие диалога между исследователями, взаимную адаптацию точек зрения и – пока медленную – выработку общих позиций по ключевым вопросам истории текста. Спираль, в отличие от круга, есть правильная форма развития научной мысли, позволяющая совместить поступательное движение вперёд с частичным пересмотром ранее высказанных положений.

Находясь в начале нового витка исследований, воздержимся от изложения общей схемы истории начального летописания, какой она видится нам на данном этапе: слишком многое в ней ещё нуждается в проработке и обосновании. Основные же звенья этой схемы и так ясны из всего вышесказанного. Ими являются для нас следующие памятники:

1) Древнейшее сказание (рубеж X–XI вв.), доведённое до крещения Руси;

2) Свод Изяслава (начало 1060-х гг.) – носитель композиции, описанной выше как композиция «свода 1072 г.»;

3) Свод 1070-х гг., включивший рассказ об убийстве Бориса и Глеба (возможно, в нём следует видеть распространённую и продолженную погодной летописью редакцию свода Изяслава);

4) Начальный свод (начало 1090-х гг.);

5) Повесть временных лет (около 1115 г.);

6) Повесть временных лет (редакция 1117 г.).

Реконструируемые текстологические пласты Начальной летописи не представляют собой механических сумм возводимых к ним фрагментов, но на разных уровнях – языковом, литературном, идеологическом – обнаруживают внутреннюю связность. С этой точки зрения процесс начального летописания выглядит как смена композиционных схем, которым на разных его этапах подчинялось изложение ранней истории Руси. Для источниковедческой оценки летописных текстов данное обстоятельство принципиально важно. Именно им объясняется далеко не прямой характер зависимости между относительным «возрастом» того или иного фрагмента в составе ПВЛ и степенью достоверности сообщаемой им информации. Показательна в этом отношении трансформация, которую повествование Древнейшего сказания о крещении Руси претерпело в своде 1060-х гг. Согласно нашей реконструкции, составитель этого свода заменил рассказ Сказания о крещении Владимира в Киеве исторически недостоверной

[28] Верхнюю границу задаёт читаемое под 1054 г. сообщение о разделе Смоленска, который, как неоднократно отмечалось, мог произойти лишь после смерти в 1059 г. Игоря Ярославича. Под 1060 г. читается и последнее, дополнительное по отношению к ПВЛ, известие Н1 мл. на участке с 1044 по 1074 гг. (поход Изяслава на сосолов).

«Корсунской легендой». С другой стороны, именно в своде 1060-х гг. появилось – пусть и в форме исторического анекдота – упоминание о христианстве Ольги, которую Сказание представляло как мудрую правительницу языческой поры, приписывая заслугу христианизации Руси исключительно Владимиру. С точки зрения истинного положения дел (пресловутого «wie es eigentlich gewesen ist»), действия сводчика 1060-х гг. кажутся противонаправленными. Летописец, однако, руководствовался отнюдь не соображениями исторической достоверности – как мы уже видели, два эпизода объединены общей тенденцией, представляющей крещение Руси как её культурное завоевание.

Можно привести и другие примеры того, как непросто складываются в начальном летописании отношения между текстологической первичностью и исторической достоверностью. Из двух вариантов рассказа о Рюрике первоначален в плане истории текста «новгородский» вариант, тогда как более адекватной исторической реальности является «ладожская» версия. Последняя вошла в летопись на заключительном этапе её формирования, в редакции ПВЛ 1117 г., отразив аутентичную ладожскую традицию, с которой составитель этой редакции познакомился во время его поездки на Север. «Новгородский» же вариант восходит к Древнейшему сказанию, излагавшему историю призвания варяжских князей в эпически-обобщённом виде, абстрагированном от неактуальных для Киева географических подробностей.

Исторически недостоверна и трактовка Сказанием фигуры Олега как воеводы при Игоре, явно обусловленная стремлением автора представить Киев как наследственное владение единой княжеской династии. Подлинная роль Олега была установлена составителем ПВЛ на основе договора с греками 911 г., текст которого не оставлял сомнений в статусе Олега как самостоятельного князя (рис. 9).

Проявление тенденциозности Древнейшего сказания можно видеть и в рассказе о хазарской дани. Без библейской параллели, представляющей собой интерполяцию Начального свода, смысл этого эпизода оказывается отличным от того, какой за ним обычно признают. В своём первоначальном виде рассказ сообщал не о подчинении полян хазарами, но о том, как «мудрым и смысленным» полянам удалось избежать обложения хазарской данью, продемонстрировав готовность к сопротивлению. Представление о том, что поляне всё же находились под властью хазар на протяжении длительного времени, появилось в летописании лишь на стадии составления Начального свода. Его составитель, моделируя историю Русской земли по библейскому образцу, не мог не уподобить хазарского периода этой истории египетскому рабству Израиля. Своё дальнейшее развитие эта – исторически более адекватная – версия истории хазарской дани получила уже на страницах ПВЛ (см.: Гиппиус, 2011б).

Как видно из этих примеров, Древнейшее сказание далеко не представляло собой бесхитростного изложения основных событий ранней истории Руси. Сочетая эпическую условность с политической тенденциозностью, оно излагало определённую концепцию этой истории, соответствующим образом организуя её событийную канву. Эта концепция заложила основу русской историографии, от которой отправлялись все последующие авторы Начальной летописи и с которой они не могли не считаться даже тогда, когда полемизировали с ней и деформировали расстановкой собственных идейных акцентов. В становлении начального летописания Древнейшее сказание сыграло роль, подобную той, какую в многократно перестраивавшемся деревянном доме выполняет первоначальный сруб, контуры которого угадываются и после всех перестроек.

Развивая сравнение, заметим, что стратификация Начальной летописи сродни не столько археологической стратиграфии (с которой её сопоставлял М.Х.Алешковский), сколько архитектурной. В отличие от археолога и подобно историку архитектуры, текстолог, занятый расслоением летописного текста, имеет дело не с остатками объекта, но с ним самим, реконструируя исходный вид полностью или частично сохранившегося «здания» и последовательность его переделок. В истории текста ПВЛ мы видим и «пристройки» к первоначальному объёму (ср. продолжение Сказания в своде 1060-х гг. и появившееся в нём же этногеографическое введение, впоследствии расширенное в ПВЛ), и надстроенные компартименты – вставные эпизоды, и разделившие первоначальный объём внутренние перегородки – хронологическую сеть Начального свода.

Многослойность ПВЛ, безусловно, существенно затрудняет использование её как исторического источника, но в то же время является важнейшим ресурсом новой информации, доступ к которой может открыть лишь адекватная стратификация текста. Отпугивающая сложность этой задачи не должна смущать – так же как и принципиальная недостижимость её полного решения, при котором все фрагменты текста оказались бы надёжно распределены по выделенным текстологическим этажам. Как бы далеко мы ни продвинулись в выявлении разноуровневых интерполяций и редактур, часть их всё равно останется нераспознанной. Это, однако, не повод для того, чтобы отказываться от расслоения текста там, где материал даёт для этого достаточно оснований. Не будем забывать, что составляющая альтернативу стратификации трактовка ПВЛ как «условного целого» есть, с текстологической точки зрения, не более чем гипотеза, искусственно упрощающая исследуемый объект и встречающая массу противоречий.

Рис. 9. Ипатьевская летопись. Л. 13. Договор с Византией 911 г.
Библиотека Российской академии наук, Санкт-Петербург